ПРАВИТЕЛИ РОССИИ

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

ВАСИЛИЙ III ИВАНОВИЧ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Василий III Иванович, сын Ивана III Великого и Софии Палеолог, интересен многим. Но особенно – тремя моментами своей биографии. Во-первых, он присоединил к Московскому княжеству Рязань и возвратил Северскую землю, отобрав ее у Литвы.

Во-вторых, он был отцом одной из самых неоднозначных фигур русской истории – Ивана Грозного.

Но самое главное – именно Василия III впервые в истории Руси назвали царем. И это случилось в 1514 году при заключении договора с императором Священной Римской империи Максимилианом I.

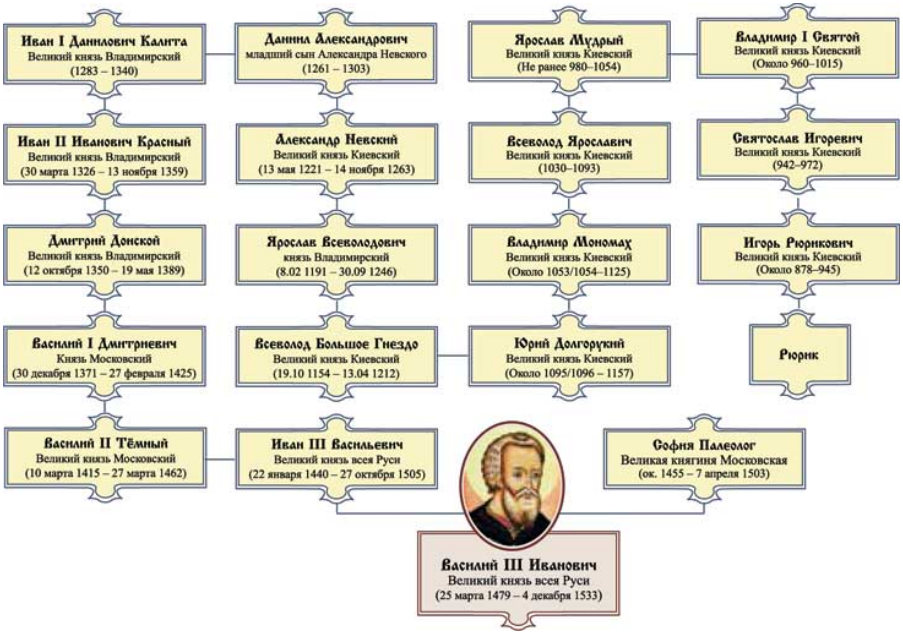
- Сергей Полехов
  -
  - Введение
  - Страна и ее будущий государь
  - Соседи
  - Наследник
  - Первые шаги
  - Михаил Глинский
  - Псков
  - Смоленск
  - Война и дипломатия
  - Крым, Казань и Рязань
  - Что может и чего не может государь всея Руси? Семейная жизнь Василия III
  - Борьба идей
  - Третий Рим и потомки Августа
  - Дело Максима Грека
  - Болезнь и смерть
  - Наследие
  - Главные даты жизни Василия III

Сергей Полехов
Великий князь Василий III Иванович
25 марта 1479 – 4 декабря 1533

© ИД «Комсомольская правда», 2015 год

* * *

Введение



Кто из правителей допетровской Руси вспоминается обычному ее гражданину? Рюрик. Владимир Святославич. Владимир Мономах. Александр Невский. Дмитрий Донской. Иван III. Иван Грозный. Вот, пожалуй, те имена, что сразу приходят на ум.

«Святитель Василий Великий и великий князь Василий III в молении». Икона. 50–60-е гг. XVI в.

Василия III среди них нет. Он оказывается «зажатым» между двумя великими эпохами – своего отца Ивана III Великого (1462–1505) и своего сына Ивана IV Грозного (1533–1584). Оба правили по несколько десятилетий: первый – более сорока лет, второй – более пятидесяти. Оба являют собой яркие образы. При Иване III Великое княжество Московское приросло Великим Новгородом, Тверью, Ярославлем, Вяткой, превратилось в Русское государство,

о котором заговорили при дворах европейских и азиатских монархов. Появились знакомые нам всем символы: началось строительство нового московского Кремля с белокаменными соборами, на великокняжеской печати появилось изображение двуглавого орла, который по сей день является гербом России. Не менее колоритна эпоха Ивана Грозного: боярское правление, энергичная Елена Глинская, молодой государь – покоритель Казани и Астрахани, реформатор; кровавая опричнина и затяжная Ливонская война, которая в конечном итоге не принесла никакого результата за исключением разорения и опустошения, невиданного хозяйственного упадка…

Василий III. Раскрашенная гравюра XVI в.

Василий III оказывается в тени отца и сына. Однако стоит задуматься. Ведь почти три десятилетия его правления (1505–1533) – это немалый срок. Что принесли они стране? Россия не

могла бы стать Россией без Новгорода и Твери. А без Пскова, Смоленска и Рязани – разве могла бы? Но все эти города были присоединены к владениям московских Рюриковичей именно при Василии III. Да и завершение строительства московского Кремля – того, к которому мы привыкли, – и возведение крепостей на юге страны, начало складывания грандиозной оборонительной системы засечных черт – всё это дело его правления. Так какой же путь прошла страна за эти годы? Задаваясь этим вопросом, важно помнить, что история страны – пожалуй, любой страны и в любую эпоху – неотделима от личной истории ее правителя. Это особенно справедливо для государств с монархической формой правления, а именно таким было Русское государство в первой трети XVI века. Правитель такого государства заинтересован не только в расширении своих владений, но и в том, чтобы их было кому передать, иными словами – в рождении дееспособного наследника мужского пола. Без учета династических интересов невозможно вести речь о политическом развитии страны.

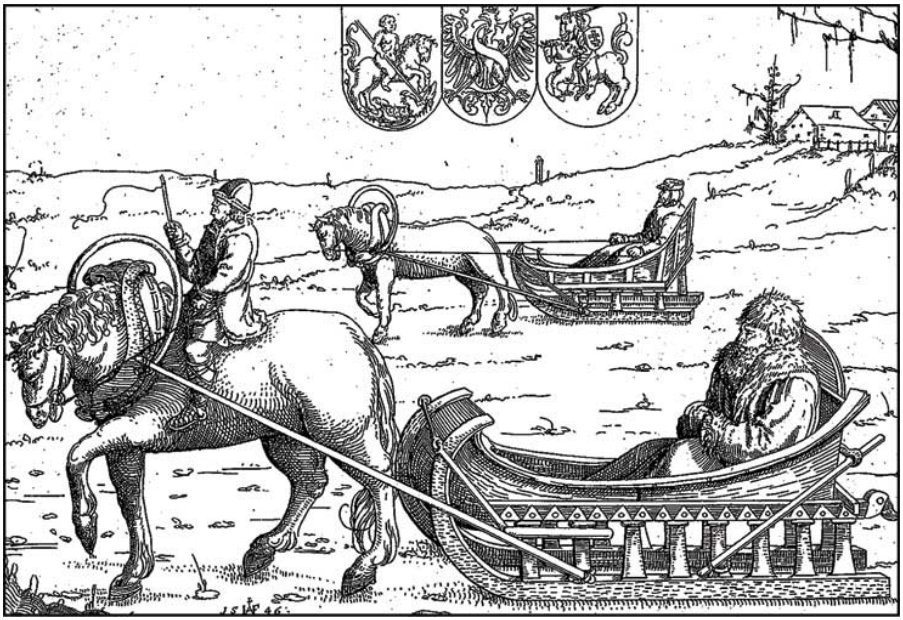
Главными источниками знаний об истории России первой трети XVI века, как и более ранних эпох, остаются летописи, фиксировавшие важнейшие события год за годом. На протяжении всей первой трети в Москве велось официальное летописание, сохранившееся в нескольких редакциях. Продолжалось летописание и в других центрах. Особенно интересна деятельность псковских летописцев, отразившая критическое отношение к московской власти и ее порядкам.

Важным дополнением летописей служат документальные источники – записи дипломатических переговоров, международные договоры, грамоты о пожаловании земель или тех или иных прав, судебные приговоры и др. Их достоинство состоит в том, что они в отличие от летописей меньше подвергались редактированию, а потому могут служить своего рода моментальными снимками, фиксирующими ту или иную ситуацию. С другой стороны, очень многое зависит от их сохранности, от того, насколько представительны эти источники, т. е. насколько равномерно освещают историю страны или того или иного периода, региона, события, мероприятия. До нас дошла опись царского архива, составленная при Иване Грозном, т. е. тогда, когда в архиве еще сохранялись многие документы эпохи Василия III, впоследствии утраченные – сгоревшие, обветшавшие, сознательно уничтоженные. Вместе с тем рос и сам документооборот, и от первой трети XVI в. документальных источников дошло до нас значительно больше, чем от предшествующих эпох, и этим активно пользуются историки. Однако и это количество ничтожно, если сравнить его с числом

документов по истории стран Западной Европы (например, Франции или Священной Римской империи) того же времени. Так, согласно подсчетам С. М. Каштанова и М. М. Крома, за год канцелярия Василия III выдавала примерно 100–150 актов, то есть столько же, сколько канцелярия его французского современника Франциска I – за один день!

Особенностью Русского государства первой трети XVI в. была чрезвычайно активная идейная борьба. Полемика охватывала важнейшие стороны жизни – проблемы великокняжеской власти, ее взаимоотношений с церковью, признания страны на международной арене и т. д. Произведения Иосифа Волоцкого, Вассиана Патрикеева, Максима Грека, старца Филофея, Спиридона-Саввы, на которых мы остановимся ниже, являются важнейшими источниками по истории эпохи.

Еще одна специфическая группа источников связана с изменившимся международным положением России. Как уже говорилось, при Иване III страна настолько расширилась и окрепла, ее интересы настолько возросли, что с ней стали вынуждены считаться не только ближние, но и дальние соседи. У Русского государства наряду с региональными интересами появляются и европейские. В Западной Европе растет интерес к новому государству, его посещают многочисленные послы, которые, отвечая на интерес общества своих стран, пишут записки об увиденном. Их оставляют Сигизмунд Герберштейн, Франческо да Колло, Паоло Чентурионе и другие авторы. И такой взгляд со стороны чрезвычайно важен, поскольку позволяет увидеть то, что на самой Руси казалось обыденным или по какой-то другой причине не заслуживающим упоминания. Так, в сочинении имперского посла Сигизмунда Герберштейна мы находим множество подробностей политической жизни, быта Русского государства, его взаимоотношений с соседями. Вместе с тем ни для кого не секрет, что авторы таких записок определенным образом моделировали увиденное по принципу свой – чужой: Русское государство было для них «чужим», «иным», через осознание которого («чем/кем я не являюсь?») формируется собственное самосознание («кто я?»). Преследовались и иные, более приземленные цели – например, оправдать или осудить действия того или иного правителя. И всё же без записок иностранцев невозможно составить полного и ясного представления о Русском государстве в первой трети XVI в.



Сигизмунд Герберштейн во время путешествия по России. Гравюра XVI в.

Работа современного историка отличается от работы его предшественника – средневекового летописца или иностранного путешественника, собирающего и анализирующего сведения о далекой стране. Одно из отличий состоит в том, что историк, глядя с высоты прошедших лет, в состоянии выделить основные явления жизни той или иной эпохи – направления внешней и внутренней политики, истоки и итоги преобразований, течения общественной мысли и т. д. Этот принцип лежит и в основе предлагаемой читателю книги. Разумеется, это не означает (и в этом вполне можно убедиться далее), что все занятия государя сводились к какому-то одному направлению политики, а вся общественная мысль – к двум или трем течениям. И в начале XVI в., как и в начале XXI, жизнь правителя и его приближенных была весьма насыщенной – тем более тогда, когда у них не было «помощников», послушных исполнителей их воли в лице бюрократии, армии, полиции Нового времени… Государя и его советников занимали вопросы, тесно переплетенные между собой: семейная жизнь монарха сплеталась с церковной, а та – с внешней политикой и публицистикой… Задача историка состоит в том, чтобы систематизировать эти вопросы в их историческом развитии. Попытка сделать это применительно к правлению Василия III и предлагается вниманию читателя.

Страна и ее будущий государь

Будущий государь всея Руси Василий Иванович появился на свет 25 марта 1479 года. Он был вторым сыном московского великого князя Ивана III (1462–1505). Первым был Иван Молодой – единственный ребенок от брака Ивана III с Марией Борисовной, сестрой последнего тверского князя. В 1467 г. Мария скончалась, и Иван III принял решение жениться второй раз. Выбор его пал на Зою (Софью) Палеолог – племянницу последнего византийского императора Константина XII Палеолога. Свадьбу сыграли в 1472 г. Поначалу в великокняжеской семье рождались одни девочки, Василий же был четвертым ребенком этой пары.

Что представляло собой к этому времени Московское великое княжество? Не будет преувеличением сказать, что оно менялось буквально на глазах. До рождения Василия Иван III, вступивший на престол в 1462 г. в возрасте 22 лет, успел присоединить к отцовскому наследию Ярославское княжество, довершить присоединение Ростовского княжества, а в 1478 г. к Москве была окончательно присоединена огромная Новгородская республика. В 1485 г. к ним добавится последнее крупное государство Северо-Восточной Руси – Тверское великое княжество. Объединение большей части Северо-Восточной и Северо-Западной Руси знаменовало рождение Русского государства. Впрочем, так его стали называть позже. Как и в других средневековых странах, сначала вырабатывалось представление о том, как надлежит титуловать монарха, и лишь затем – как называть подвластное ему государство. С 1479–1485 гг. Иван III начал последовательно титуловаться великим князем всея Руси. Этот титул, употреблявшийся московскими князьями и ранее, не только отражал свершения Ивана, но и выражал его претензии. Ведь за пределами Русского государства всё еще оставались Псковская республика, Великое княжество Рязанское, а также обширные русские земли Великого княжества Литовского (о них речь пойдет ниже). Присоединить некоторые из них удалось лишь Василию III.

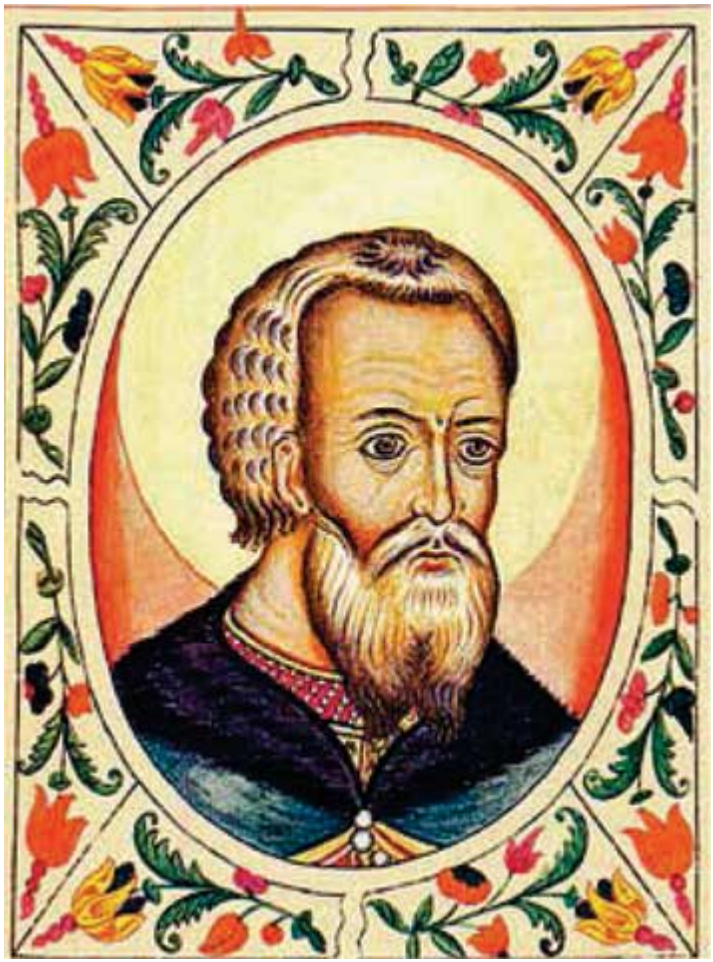
О системе управления Русским государством при Иване III известно относительно немного. Это и неудивительно: старые порядки уходили в прошлое, а новые институты попадали на страницы источников с запозданием. Известно, что существовали такие органы управления, как Боярская дума, Казна и Дворец, но развернутые данные о них появляются в источниках лишь со времени правления Василия III. Кое-что известно о дьяках, которые реально выполняли функции центрального и отчасти местного управления. Часть территории страны напрямую не

подчинялась великому князю, а находилась во владении его братьев (уделы, или удельные княжества) и служилых князей, перешедших на московскую службу в конце XV – начале XVI в.

Русское государство в первой трети XVI века

Несколько больше известно о структуре русского общества.

Но и она в этот период находилась в процессе становления. К примеру, существовало определенное представление о знати, но в единое сословие с юридически определенными критериями она еще не сложилась. На верхушке социальной пирамиды стояли удельные князья – ближайшие родственники великого князя, получившие в удел определенные владения от отца или брата. Ступенькой ниже их стояли князья служилые, «отъехавшие» со своими владениями к московскому великому князю. Эти владения располагались на московско-литовском пограничье, представляли собой одну из линий обороны по отношению к набегам крымских татар, и поэтому к ним Василий III относился с недоверием: хотя они в отличие от удельных братьев претендовать на престол не могли, всегда сохранялась опасность их «отъезда» обратно в Литву или измены в сношениях с крымским ханом. Отсюда та жестокость, с которой он подчас расправлялся с ними. Так, Василий III в 1523 г. вызвал в Москву новгород-северского служилого князя Василия Ивановича Шемячича, когда же тот получил гарантии безопасности от митрополита Даниила и приехал в столицу, то был вероломно арестован и спустя несколько лет умер в заточении.



Великий князь Иван III Васильевич. Портрет из «Титулярника» 1672 г.

Больше доверия государь всея Руси питал по отношению к старомосковскому боярству – нетитулованной аристократии, которая поколениями служила московским князьям и владела вотчинами. Как правило, представители этого слоя занимали ведущие позиции в аппарате управления. Более обширным был слой служилого дворянства, к которому относились не только дворяне, но и дети боярские. Они владели поместьями при условии несения службы, отсюда другое их название – помещики. Поскольку они были всем обязаны государю, в их среде сложилось прочное осознание почета и престижа государевой службы – как правило, военной, реже – дипломатической, придворной. Теоретически государь всегда мог отобрать поместье, но фактически угроза этого была минимальна, поскольку ее осуществление находилось в ведении

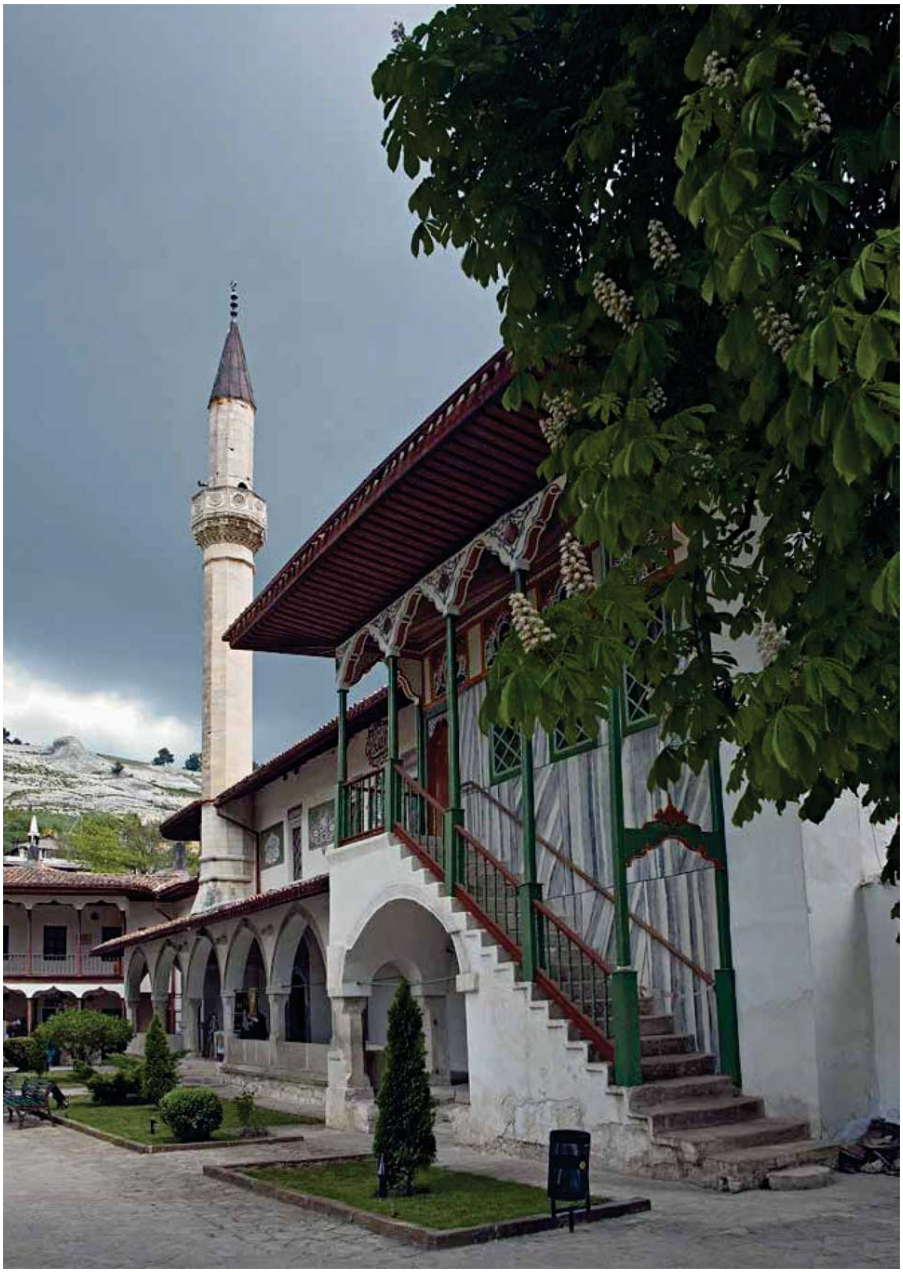
неповоротливой и еще архаично организованной бюрократической машины. Поместное войско составляло основу вооруженных сил страны. Каковы были его размеры? Согласно подсчетам историка А. Н. Лобина численность российского войска в XVI в. могла составлять примерно 50 тысяч человек. Есть, правда, одно «но»: для этого времени затруднительно определить соотношение в этом войске между собственно дворянами и их слугами. Считается, что оно составляло примерно 1:1, т. е. в стране было примерно 25 тысяч помещиков, способных служить с оружием в руках.

Возможности дворянской службы обеспечивались трудом крестьян и горожан. Городов на Руси было немного, их сеть была довольно редкой, а население распределялось очень неравномерно. Крупнейшим городом была Москва, где современники насчитывали примерно 100 тысяч человек, за ней шел Новгород (около 25 тысяч человек). Обычно же города были небольшими. Центром любого города была крепость, где можно было укрыться от набега неприятеля. Вокруг нее располагалась торгово-ремесленная часть города – посад. И крупным, и малым городам был присущ сельский облик: огороды, луга и поля для выпаса скота… Горожане объединялись в определенные группы (соседские, специализировавшиеся на том или ином направлении торговли), однако тягаться по своему значению с монаршей властью, как в Европе, они не могли.

Софья Палеолог. Реконструкция облика по черепу

Основную массу населения Русского государства составляли крестьяне, делившиеся на черносошных (государственных) и владельческих. Последние, в свою очередь, подразделялись на помещичьих, монастырских и т. д. Они еще сохраняли право перехода от одного владельца к другому, но согласно Судебнику 1497 г. оно ограничивалось двумя неделями – неделей до и неделей после Юрьева дня осеннего (26 ноября). При этом крестьянин должен был внести плату, как считается, вполне посильную. Такое ограничение было связано с тем, что к поздней

осени оканчивался сельскохозяйственный сезон, и таким образом ликвидировалась опасность того, что хозяин земли лишится рабочих рук в его разгаре. Следует отметить, что урожайность в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси была низкой, достигая в среднем сам-2 – сам-3. То есть, посеяв пуд зерна, крестьянин собирал примерно в два или три раза больше. Из этого объема какую-то часть следовало оставить на следующий посевной сезон, остальное же переходило в распоряжение тех, кто возделывал землю и кто владел ею. Сельскохозяйственный сезон был очень коротким, в это время приходилось отдавать ему все свои силы. Считается, что низкий прибавочный продукт, который могло обеспечить сельское хозяйство, был одной из причин возникновения «компенсаторных механизмов» – общины, крепостного права, государства с сильной централизованной властью…



Большая Ханская мечеть ханского дворца в Бахчисарае

Соседи

Говоря о Русском государстве, которым выпало править Василию III, нельзя не сказать несколько слов и о его соседях. К югу и востоку от русских земель простирались земли татарских ханств, образовавшихся в результате распада Орды. Это государство впоследствии было названо Золотой Ордой, но в источниках, созданных ее современниками, определение «Золотая» отсутствует. Весь XV век стал для Орды временем затяжного кризиса. Дали о себе знать центробежные тенденции, и от некогда могущественного государства одно за другим откалывались ханства – Крымское, Казанское, Астраханское. Сама Орда получила в это время название Большой. Ордынские ханы еще пытались вмешиваться в дела государств Восточной Европы, но дело шло к закату: в 1472 г. Иван III отказался выплачивать Орде дань, а попытка хана Ахмата восстановить данническую зависимость Москвы (теперь уже Русского государства) в 1480 г. окончилась неудачей в результате знаменитого стояния на реке Угре. В 1502 г. крымский хан Менгли-Гирей и Иван III разгромили остатки Большой Орды, столица которой к этому времени была Астрахань (Хаджи-Тархан), и это государство перестало существовать. В Нижнем Поволжье со столицей в той же Астрахани возникло Астраханское ханство (попытки возвести его существование к середине XV в., как показал И. В. Зайцев, неубедительны), ставшее противником крымских ханов.

Но наследие Большой Орды никуда не делось. Речь шла лишь о том, кому оно достанется, кто сумеет вовремя предъявить на него претензии и удержать за собой в конкуренции с соперниками. После ее разгрома выросли амбиции крымских ханов. Уже в начале XVI в. они стали требовать от Русского государства знаков подчинения: например, от русского посла И. Г. Мамонова стражники ханских покоев требовали, чтобы он перед входом в них произнес «уш баштанды» – в тогдашнем русском переводе «царево слово на голове держу», т. е. «повинуюсь». Посол упорно отказывался это делать, отстаивая честь своего государя, и пропустили его лишь тогда, когда он заявил, что лучше отрежет себе язык…

Крымское ханство возникло в середине XV в., а его основателем и первым правителем был Хаджи-Гирей, чьи потомки правили ханством всю его историю – вплоть до присоединения Крымского ханства к Российской империи в 1783 г. Уже в 1478 г. крымский хан стал вассалом османского султана, который и утверждал каждого нового хана.

Территория Крымского ханства охватывала главным образом Крымский полуостров (за исключением побережья, принадлежавшего османам), но кочевья крымчаков выходили и за Перекоп. Образ жизни основной части населения был кочевым, на нем основывались и главные его занятия – скотоводство и землевладение. При этом ханство испытывало дефицит в ремесленных товарах и в пресной воде. Огромное значение в экономике Крымского ханства играли набеги на земли соседних государств. Во время таких набегов их земли опустошались, поселения разграблялись, а население захватывалось в плен и впоследствии продавалось на невольничьих рынках. Эта особенность крымского соседа оставалась бичом Русского государства и Великого княжества Литовского, а впоследствии Речи Посполитой на протяжении XVI–XVII вв. Крымские власти и дипломаты не скрывали, что от очередного набега всегда можно откупиться, во всяком случае попытаться это сделать. Один из основоположников русской исторической науки С. М. Соловьёв назвал это явление «крымским аукционом»: хан смотрел, кто из его соседей сможет дать больше, и тогда набег направлялся на земли другого соседа. Не обходилось и без набегов на земли собственных союзников…

В Среднем Поволжье простирались земли Казанского ханства. Его отличительной чертой была важная роль торговли и земледелия в его экономике. Сама Казань была крупным торговым центром, у ее стен проводилась ярмарка. В политическом же отношении Казанское ханство было куда менее устойчивым, чем Крымское. Здесь не сложилась своя ханская династия, ханы сменялись чрезвычайно часто, существовала сильная промосковская группировка знати. Еще в 1487 г. в результате похода Ивана III казанский хан Мухаммед-Эмин принес ему вассальную присягу.

К западу от Русского государства простиралось Великое княжество Литовское, занимавшее территорию нынешней Литвы (за исключением Клайпеды – тогдашнего Мемеля), Белоруссии, большей части Украины и западной части России. Его столицей была Вильна – современный Вильнюс. Огромные земли, население которых исповедовало православие и называло себя «русью», перешли под власть воинственных литовских князей в середине XIII – начале XV в. Хотя в конце XIV в. литовцы-язычники были крещены по католическому обряду, а католицизм стал господствующей религией государства, его русские земли достаточно быстро свыклись с пребыванием под властью князей-иноверцев и научились извлекать из него немалые выгоды – пожалования материальных ценностей и защиту своих интересов

в конфликтных ситуациях, что показали и события конца XV – начала XVI в. Другое дело, что великий князь Литовский и правящие круги страны часто не оправдывали возлагаемых на них надежд. С конца XIV в. Великое княжество Литовское находилось в личной (персональной) унии с Польским королевством: польский король считался верховным князем Литвы, а с 1447 г. оба престола, польский и литовский, занимал один и тот же правитель, которым тогда был Казимир Ягеллон. Он вокняжился на виленском престоле еще в 1440 г., 13 лет от роду, что было на руку вельможам, правившим от его имени. За свое долгое правление (он умер в 1492 г.) Казимир часто и надолго отлучался из своей «вотчины» Великого княжества Литовского: по подсчетам ученых, он провел там примерно 1/3 своего правления, тогда как остальные 2/3 пришлись на Польшу. Это вело к росту самосознания и самостоятельности литовской знати, которая и ранее проявляла такие устремления, избавляясь от неугодных великих князей и сажая на престол тех, кто ее устраивал. Чтобы упрочить свои позиции в Великом княжестве, Казимир осуществлял большие пожалования земель, но эти пожалования не обставлялись условием обязательной военной службы, и в стране не сложился слой помещиков, владевших имениями на условии несения службы. Это ослабляло позиции Великого княжества Литовского. Сказывалось и то обстоятельство, что владения литовской знати концентрировались в историческом центре государства, на территории современной Восточной Литвы и Западной Белоруссии, так что в их эксплуатации она была заинтересована больше, чем в удержании далеких восточных окраин. Наконец, возможно, злую шутку сыграла конфессиональная политика великого князя Александра: стремясь упрочить единство своего государства, он вернулся к идее заключения унии православной и католической церкви, что дало повод заявлять о гонениях на православных. Определенные ограничения их прав действительно были, но масштаб их преувеличивался московскими дипломатами, как явствует из сравнения их речей с другими современными источниками.

Польский король и великий князь Литовский Сигизмунд Старый. Портрет начала XVI в.

На севере Великое княжество Литовское граничило с Пруссией и Ливонией, где простирались владения Тевтонского (Немецкого) ордена. Эта духовно-рыцарская корпорация, возникшая в Святой земле в конце XII в. для борьбы с

«неверными», вскоре обратила свои усилия против языческих народов Прибалтики. В 1309 г. резиденция верховного (великого) магистра, т. е. главы Ордена, была перенесена в прусский Мариенбург – нынешний г. Мальборк в Польше. Еще ранее, в 1237 г., к Тевтонскому ордену были присоединены остатки ордена меченосцев, обосновавшегося в Ливонии (на территории современной Латвии). С конца XIII в. главным объектом нападений обоих отделений ордена – прусского и ливонского – стала Литва и подвластные ей русские земли. Война велась под предлогом необходимости крещения литовцев-язычников и русских «схизматиков», но после католического крещения литовцев и родственного им народа жемайтов в конце XIV – начале XV в. заявлять об этом было уже невозможно. Не помогали и уверения ордена в том, что это крещение – «лживое» и что литовцы и жемайты – «ненастоящие» христиане. К тому же, пока орден тщетно пытался завоевать Литву, на юге Европы возникла другая опасность – османская. В 1396 г. войска христианских держав потерпели поражение от османского войска под Никополем. Стало ясно, что это – гораздо более серьезная угроза для христианского мира. После поражения в знаменитой Грюнвальдской битве 1410 г. орден еще пытался вмешиваться в жизнь соседних государств, но безуспешно.

Таким образом, всё, что могло объединить прусское отделение Тевтонского ордена и Русское государство, – это борьба с Ягеллонами. Ни общей границы, ни спорных территорий у двух стран не было. Иначе дело обстояло с Ливонией. Она издавна граничила с русскими землями (прежде всего с Псковом), вела с ними оживленную торговлю. В отличие от Пруссии Ливония представляла собой гораздо более пеструю картину: здесь владения ордена соседствовали с землями Рижского архиепископства, трех епископств (Курляндского, Дерптского и Эзельского) и города Риги; другими крупнейшими городами были Ревель (современный Таллин) и Дерпт (современный Тарту).

Таким образом, задачи, стоявшие перед русскими государями – Иваном III, а впоследствии Василием III, во многом диктовались отношениями с соседями страны. На западе развернулась борьба за «киевское наследие» между Русским государством и Великим княжеством Литовским, в которой ни одна из сторон не планировала примиряться с существующим положением дел. В поисках союзников на этом направлении московские правители обращали свои взоры на Священную Римскую империю и Тевтонский орден, у которых были свои счеты с Ягеллонами. На юге же и востоке речь шла о выстраивании взаимоотношений с татарскими ханствами – от закрепления вассальной зависимости

(Казанское ханство) до установления мирных отношений (Крымское ханство). На обоих направлениях стояла задача добиться признания международного статуса Русского государства.

Наследник

…Согласно тогдашним правилам, принятым у московских Рюриковичей, как и в большинстве европейских стран, наследником престола становился старший сын. Поэтому перспективы княжича Василия поначалу ограничивались получением какого-нибудь удельного княжества или доли в доходах с того или иного города. Но в 1490 г. Иван Молодой умер, и наследником был провозглашен его сын Дмитрий, за которым закрепилось прозвище Внук (по отношению к Ивану III). Естественно, Софья Палеолог была заинтересована в том, чтобы после смерти Ивана III великокняжеский престол перешел к ее сыну Василию, и вокруг обоих потенциальных наследников престола складывались придворные группировки их сторонников. Развитие событий ускорил заговор, раскрытый в декабре 1497 г. Василий и Софья были обвинены в намерении отъехать то ли в Литву, то ли на Белоозеро. Несмотря на всю серьезность обвинений, казням подверглись лишь шестеро заговорщиков – детей боярских. Софья была посажена под арест в Кремле, вероятно, ту же участь разделил и Василий, впрочем, сохранив при этом некоторые властные полномочия. А 4 февраля 1498 г. в Успенском соборе Московского Кремля состоялась торжественная церемония коронации Дмитрия Внука великокняжеским венцом. Отныне он официально получил титул великого князя, как и его дед. Но уже в марте 1499 г. опала Василия миновала. Он получил титул «государя великого князя Великого Новгорода и Пскова», став, таким образом, вторым соправителем Ивана III (вскоре из-за протестов псковичей упоминание их города было убрано из титула Василия).

За несколько лет чаша весов проделала обратный путь и склонилась в пользу Василия Ивановича. Со второй половины 1500 г. начинается его возвышение, он титулуется «великим князем всея Руси», тогда как Дмитрий Внук отходит от государственных дел. Наконец в апреле 1502 г. Иван III окончательно «положил опалу» на Дмитрия Внука и его мать, вдову Ивана Молодого Елену Волошанку. 11 апреля мать и сын были посажены в заключение, а Дмитрий лишился великокняжеского титула. (Оба умрут в заключении спустя несколько лет, вероятно, не без посторонней помощи: Елена Волошанка – еще при жизни Ивана III в 1505 г., а Дмитрий Внук – уже после восшествия на престол своего удачливого дяди и соперника, в 1509-м.) Спустя всего три дня Василий Иванович был посажен на «великое княжение Владимирское и Московское»

и стал именоваться «всеа Русии самодержцем» – единственным соправителем и наследником своего престарелого (по меркам Средневековья) отца. Краткая формулировка официального великокняжеского свода заставляет думать, что в апреле 1502 г., как и четырьмя годами ранее, состоялась церемония интронизации Василия с участием его отца и митрополита всея Руси.

Действия Ивана III оказались очень на руку Василию: 17 апреля 1503 г. умерла Софья Палеолог, а осенью Ивана поразил инсульт, и он оказался наполовину парализованным. Пришлось срочно заботиться о судьбе огромного наследия. В конце 1503-го или начале 1504 г. было оформлено завещание Ивана III – как тогда говорили на Руси, духовная, или душевная, грамота. Содержание таких документов всегда было чрезвычайно важным: великий князь, с одной стороны, должен был наделить свое потомство средствами к существованию, с другой же стороны, от распределения владений и материальных ценностей зависело могущество каждого из них. Нельзя было оставить сыновей без наследства, но вместе с тем нельзя было дать каждому из них слишком много, поскольку это могло угрожать позициям преемника на великокняжеском престоле. Этот принцип московские Рюриковичи осознавали еще со времен Ивана Калиты (1325–1340) – именно от его времени дошли до нас самые ранние духовные грамоты московских князей. Документы такого рода показывают, как постепенно усиливались экономические позиции того, кто занимал московский престол, к которому с 60-х гг. XIV в. добавилось безраздельное владение территорией Владимирского великого княжения. С середины XIV в. наследник престола получал примерно столько же городов, сколько и его братья вместе взятые, но при этом города, которые доставались в придачу к московскому столу, были крупнейшими, важнейшими в экономическом отношении. Завещание Ивана III, при котором территория Русского государства пополнилась важнейшими территориями, стало очередным шагом вперед на этом пути. Василий получил 66 городов, а четверо его братьев – всего лишь 30. Система удельных княжеств сохранялась: Юрий Иванович получил Дмитров, Звенигород и Рузу, Дмитрий Иванович Жилка – Углич и половину Ржева, Семён Иванович – Калугу и Бежецкий Верх, Андрей Иванович – Верею и Калугу (впрочем, реальное выделение владений двум младшим братьям Василия было отложено до того момента, пока они возмужают). Одновременно братья Василия получали части территории бывшего Тверского княжества и земель, отошедших к Русскому государству в результате войн с Великим княжеством Литовским. Таким

образом, они делались заинтересованными в защите новоприобретенных владений. Сохранялось и Волоцкое княжество Фёдора Борисовича – двоюродного брата Василия Ивановича. В случае возможных выплат Орде с владений Василия предписывалось собирать более 717 рублей, то есть почти в три раза больше, чем с уделов всех его братьев вместе взятых. Таким образом, уделы продолжали оставаться на тех землях, где они и раньше существовали, но территориальный состав княжеств претерпел изменения. Василий Иванович получил больше других вместе взятых, но, как и его предшественники, вынужден был считаться со своими удельными братьями.

В 1504 году Василию исполнилось 25 лет – достаточно приличный по тогдашним меркам возраст. Иван III чувствовал приближение смерти, и необходимо было задуматься о выборе невесты для наследника. Сам Иван III был обручен с Марией Тверской в возрасте семи лет. Все московские великие князья до Ивана III включительно женились на представительницах правящих домов соседних государств, на престолах которых сидели либо Рюриковичи, либо Гедиминовичи (в Великом княжестве Литовском). Переговоры о партии для Василия Ивановича велись в Дании и Сербии, но успехом не увенчались. Тогда был сделан беспрецедентный шаг – проведены смотрины в семьях подданных государя всея Руси. В Москву со всей страны были доставлены 500 претенденток, и в итоге выбор Василия пал на Соломонию Юрьевну Сабурову, происходившую из старомосковского боярского рода. Впервые великий князь Московский женился на собственной подданной, не имевшей княжеского титула. Да и в боярской среде Сабуровы занимали далеко не первые позиции: попасть в Боярскую думу им удалось лишь после женитьбы Василия III. Сам же этот брак в перспективе оказался несчастливым и закончился трагически. Но об этом ниже.

Первые шаги

Вступление Василия III на отцовский престол прошло довольно буднично. Спустя несколько десятилетий имперский посол в Россию Сигизмунд Герберштейн приведет подробное обоснование отсутствия церемонии интронизации, связав его с тем, что в неволе еще был жив Дмитрий Внук. Однако в таком случае, как заметил историк В. Д. Назаров, законность правления Василия хоть раз поставили бы под сомнение литовские послы, которые неоднократно оспаривали те или иные его титулы, – а этого не было. Так что, как уже говорилось, вполне вероятно, что такая церемония состоялась еще при жизни Ивана III.

После вступления на отцовский престол Василия Ивановича занимали другие, вполне земные дела. Его внимание оказалось прикованным к вопросам отношений с соседями. Еще в последние месяцы жизни Ивана III, в 1505 г., какое-то недовольство по поводу отношений с Москвой высказывал казанский хан Мухаммед-Эмин. За скупыми строчками летописных сообщений остаются неясными причины этого недовольства; не исключено, что казанский хан решил воспользоваться тяжелым состоянием здоровья государя всея Руси, а может быть, рассчитывал на его скорую кончину и возможные проблемы Василия Ивановича, тем более что был жив его соперник Дмитрий Внук: хотя он и томился в темнице, ходили слухи, что какая-то часть подданных Ивана III хотела бы видеть своим новым правителем его внука, а не сына. Как бы то ни было, еще летом 1505 г. в Казани был арестован посол Ивана III Михаил Кляпик, пограблены и частью перебиты, а частью проданы в плен русские купцы. Когда же тот умер и престол занял Василий III, Мухаммед-Эмин заявил, что присягал Дмитрию Внуку, а не Василию, по отношению к которому он «не хочет» соблюдать вассальных отношений. Вслед за этим казанцы совершили набег на Нижний Новгород, осаду которого, впрочем, удалось быстро отбить.

В Москве становилось ясно, что пришло время для решительных действий. Из ростовского ареста срочно был извлечен на свет царевич Куйдакул, брат мятежного хана Мухаммед-Эмина. В конце 1505 г. он крестился в православие и стал «царевичем Петром», принес присягу Василию III, а уже в январе 1506-го была сыграна его свадьба с сестрой Василия Евдокией, после чего он получил Клин, Городен и ряд подмосковных сёл (правда, как выяснилось впоследствии, ненадолго). А в апреле 1506 г. к Казани по Волге двинулись войска удельных князей Дмитрия Ивановича Углицкого (Жилки),

осуществлявшего общее командование, и Фёдора Борисовича Волоцкого, великокняжеские – под командованием князя Ф. И. Бельского, а также дворяне князя Юрия Ивановича Дмитровского. Им сопутствовала конная рать князя Александра Владимировича Ростовского, шедшая по суше. Когда судовая рать, не дожидаясь подхода ростовского князя, высадилась на сушу, она подверглась страшному разгрому: казанцы то ли отрезали русские войска от их судов, то ли застали их за развлечениями и мародерством. Но и после подхода сухопутной рати русские войска, пошедшие на приступ Казани, ждал очередной разгром. Им пришлось отступить к Нижнему Новгороду и Мурому. И всё же казанский поход возымел определенное действие: он продемонстрировал решимость Василия III и его окружения бороться за восстановление утраченных позиций. Поэтому в 1507 г. Мухаммед-Эмин просил простить его «проступок», и к 1508 г. вассальные отношения были восстановлены.

Ситуация осложнялась тем, что казанский хан Мухаммед-Эмин приходился родственником крымскому хану Менгли-Гирею, поскольку последний был женат на матери казанского хана. Пока Крымскому ханству приходилось бороться за право на существование, в 1474 г. Менгли-Гирей заключил договор с Иваном III. Ситуация изменилась после разгрома Большой Орды в 1502 г. Амбиции крымских ханов выросли, и если раньше договоры между Московским великим княжеством, а впоследствии Русским государством и Крымским ханством были равноправными, то отныне крымские ханы стали требовать от русских государей повиновения и выплаты дани, наподобие той, что уплачивалась Большой Орде до 1472 г. До поры до времени сближение с Великим княжеством Литовским сдерживалось тем обстоятельством, что в литовском плену находился Шиг-Ахмат – свергнутый хан Большой Орды, заклятый враг Менгли-Гирея. Но смерть Александра Ягеллона развязала руки Великому княжеству Литовскому на русском направлении и поспособствовала переменам в отношениях с Крымом. В 1507 г. брат и преемник Александра Сигизмунд Старый получил от Менгли-Гирея ярлык на обширные русские земли, главным образом те, что совсем недавно были присоединены к Русскому государству. А вскоре, в июле того же 1507 г., пока войска Василия III были заняты на литовском направлении, крымский хан организовал набег на его южные владения – города Белёв, Одоев и Козельск. Это был первый крымский набег на Русское государство, за которым последовали следующие, чрезвычайно многочисленные и разорительные: они продолжались весь XVI, XVII и отчасти

XVIII век, а последний такой набег состоялся в 1769 году.

Михаил Глинский

Когда умер Иван III и ему наследовал Василий III, в Великом княжестве Литовском княжил Александр Ягеллон. Он вокняжился там еще в 1492 г., после смерти отца, Казимира IV Ягеллона, занимавшего одновременно литовский и польский престолы. Такое объединение двух государств лишь посредством личности правителя, называемое персональной унией, объяснялось тем, что Ягеллоны хотели сохранить за собой оба престола без более тесного объединения этих государств, их институтов и т. д. (реальной унии). За счет этого Ягеллоны рассчитывали получить в свои руки большие ресурсы. Однако это им не всегда удавалось: так, во время Тринадцатилетней войны Польши с Тевтонским орденом (1454–1466) литовские правящие круги соблюдали нейтралитет, а в 1480 г. во время похода хана Ахмата против Ивана III польский сейм отказался помочь Великому княжеству Литовскому, которое собиралось выступить на стороне Ахмата. Чтобы усидеть на двух престолах, Казимир просто-таки разрывался между двумя странами, проводя часть времени то в Польше, то в Литве. Это способствовало росту самосознания и влияния правящих кругов Великого княжества Литовского.

Казанский хан Мухаммед-Эмин. Реконструкция облика по черепу

После смерти Казимира польский престол занял его старший сын Ян Ольбрахт, а литовский – другой сын, Александр. Великое княжество наконец получило отдельного правителя, и это способствовало оживлению его политической жизни. Молодой правитель принялся энергично укреплять свою власть в Великом княжестве Литовском. Однако начало его правления ознаменовалось войной с Русским государством, начавшейся с мелких пограничных стычек, как показал белорусский исследователь В. Н. Темушев, еще в 1486 г., при жизни Казимира. Эта война окончилась лишь в 1494 г. Чтобы прочнее скрепить «вечный мир» Москвы и Вильны, замуж за Александра была выдана дочь Ивана III Елена – родная сестра Василия. Однако и это не помогло: в 1500–1503 гг. Русское государство и Великое княжество вновь воевали, и победа осталась за первым. В 1501 г.,

после смерти Яна Ольбрахта, Александр, подобно отцу, занял польский престол, так что возможностей контроля ситуации в Великом княжестве Литовском у него стало меньше. Наконец 19 августа 1506 г. после тяжелой болезни Александр умер. Какие перспективы русско-литовских отношений открывала его смерть? Василий III пытался через свою сестру, вдову Александра Елену, организовать свое избрание на литовский престол. Если бы эта попытка увенчалась успехом, то возникла бы персональная уния Великого княжества Литовского и Русского государства, наподобие той, что связывала Литву с Польшей уже более ста лет. Однако многолетний союз, в котором литовцы научились отстаивать свои интересы перед непомерными аппетитами поляков, оказался сильнее. По всей видимости, кандидатура Василия всерьез даже не рассматривалась: литовцы быстренько выбрали великим князем брата покойного, Сигизмунда Старого. А вскоре он был избран и польским королем. Разумеется, новый король и великий князь не мог благосклонно смотреть на государя всея Руси, который только что пытался составить ему конкуренцию. Смена на виленском престоле развязывала руки Великому княжеству Литовскому, и начало очередной московско-литовской войны становилось вопросом времени. Если Москва хотела развить достигнутые успехи, то Вильна стремилась к реваншу.

Война началась весной 1507 г. – как обычно, с пограничных стычек. На первых порах они не приносили особых результатов ни одной из сторон. Но вскоре в дело вмешался фактор князя Михаила Глинского – фаворита Александра Ягеллона.

Михаил Львович происходил из рода князей Глинских, согласно родовой легенде, выехавших из Орды на службу к Витовту, владевших землями на Киевщине. Их род вплоть до конца XV в. ничем особенным не выделялся и далеко уступал по значению таким княжеским родам, как Гольшанские или Друцкие, а по размерам владений – и князьям Верхнего Поочья. Своим возвышением род Глинских был обязан князю Михаилу Львовичу. Чрезвычайно энергичный, не лишенный талантов, в молодости он успел послужить европейским государям, принял католицизм, а впоследствии сделал головокружительную карьеру при дворе Александра, превратившись в одно из первых лиц Великого княжества Литовского. Это, разумеется, вызвало недовольство литовских вельмож (панов) – Заберезинских, Радзивиллов и других. Ян Юрьевич Заберезинский стал злейшим врагом Михаила Глинского, дело чуть не доходило до вооруженных стычек, и Александру несколько раз приходилось их мирить. Когда Александр умер после тяжелой болезни в ночь на

20 августа 1506 г., Михаил Глинский лишился могущественного покровителя и остался беззащитным перед лицом вельмож. Он тщетно предлагал свою службу новому великому князю Сигизмунду (Жигимонту) Старому, брату покойного правителя. Когда же князь понял, что всё тщетно, он дождался отъезда Сигизмунда в Польшу, убил Заберезинского в его собственном имении 2 февраля 1508 г. и поднял мятеж.

На что же рассчитывал мятежный князь? Из-под Гродно, где был убит Заберезинский, он направился к Ковно, рассчитывая освободить Шиг-Ахмета и передать его Менгли-Гирею, чтобы заручиться его поддержкой. Но этот дерзкий план потерпел неудачу, и Глинский повернул на юго-восток и нашел приют в Новогрудке, наместником которого был брат князя Михаила Иван. Оттуда мятежники перебрались в Туров – резиденцию самого Михаила. Как видим, никакого плана последовательных действий у него изначально не было. Он между тем разыгрывал несколько партий – пытался вытребовать прощение у Сигизмунда и его советников (панов рады), собравшихся в Вильне, а одновременно добивался помощи Менгли-Гирея, молдавского воеводы и Василия III. Именно у последнего и нашли отклик предложения князя Михаила, на которого Василий возложил серьезные надежды. На помощь ему были отправлены московские войска. Но если в одиночку Глинскому удалось взять Мозырь, ворота которого открыл Якуб Ивашенцевич – родственник Глинского, то совместные действия мятежников и русских воевод против таких значимых центров, как Смоленск, Полоцк, Орша, Минск, Слуцк и Копыль, успехом не увенчались. Военные действия в Великом княжестве Литовском не на шутку встревожили Сигизмунда: он энергично принялся раздавать имения Глинских своим сторонникам, лишая материальной базы первых и укрепляя собственные позиции, а поздним летом 1508 г. прибыл из Польши и направился в Смоленск. В итоге Глинский вынужден был ретироваться в Русское государство. Осенью туда выехало литовское посольство, и 8 октября 1508 г. стороны заключили «вечный мир», то есть бессрочный мирный договор, называвшийся так в отличие от перемирий, заключавшихся на определенный срок. Этот договор был большой победой Русского государства, поскольку по нему Великое княжество Литовское признавало его территориальные приобретения, совершенные в ходе двух предыдущих войн конца XV – начала XVI в., хотя Василий III и вынужден был поступиться несколькими спорными пограничными волостями.

Историки давно спорят о характере восстания Михаила Глинского. Широкое распространение получила версия, согласно

которой это было национально-освободительное (или национально-религиозное) движение русского населения Великого княжества Литовского. Однако она основана главным образом на свидетельствах поздних хроник. Военные успехи в ту эпоху измерялись количеством взятых крепостей, поскольку они были опорными пунктами контроля над территорией. А в этом отношении Михаилу Глинскому похвастаться было нечем. Все центры, которые ему удалось взять под свой контроль, были его резиденциями либо центрами наместничеств – его самого, его родственников и «приятелей». Никакого широкого отклика среди православных его мятеж не вызвал, о чем ярко свидетельствуют его неудачи. Владения православных подданных Сигизмунда страдали точно так же, как и имения католиков, а при подавлении мятежа отличился знаменитый ревнитель православия в Великом княжестве Литовском гетман Константин Иванович Острожский – верный сторонник Сигизмунда. С другой стороны, сам Глинский всё это время оставался католиком. Он пытался разыгрывать православную карту, взывать к своим соплеменникам, но безуспешно. Отсюда-то и происходила необходимость оживленных контактов с правителями соседних государств.

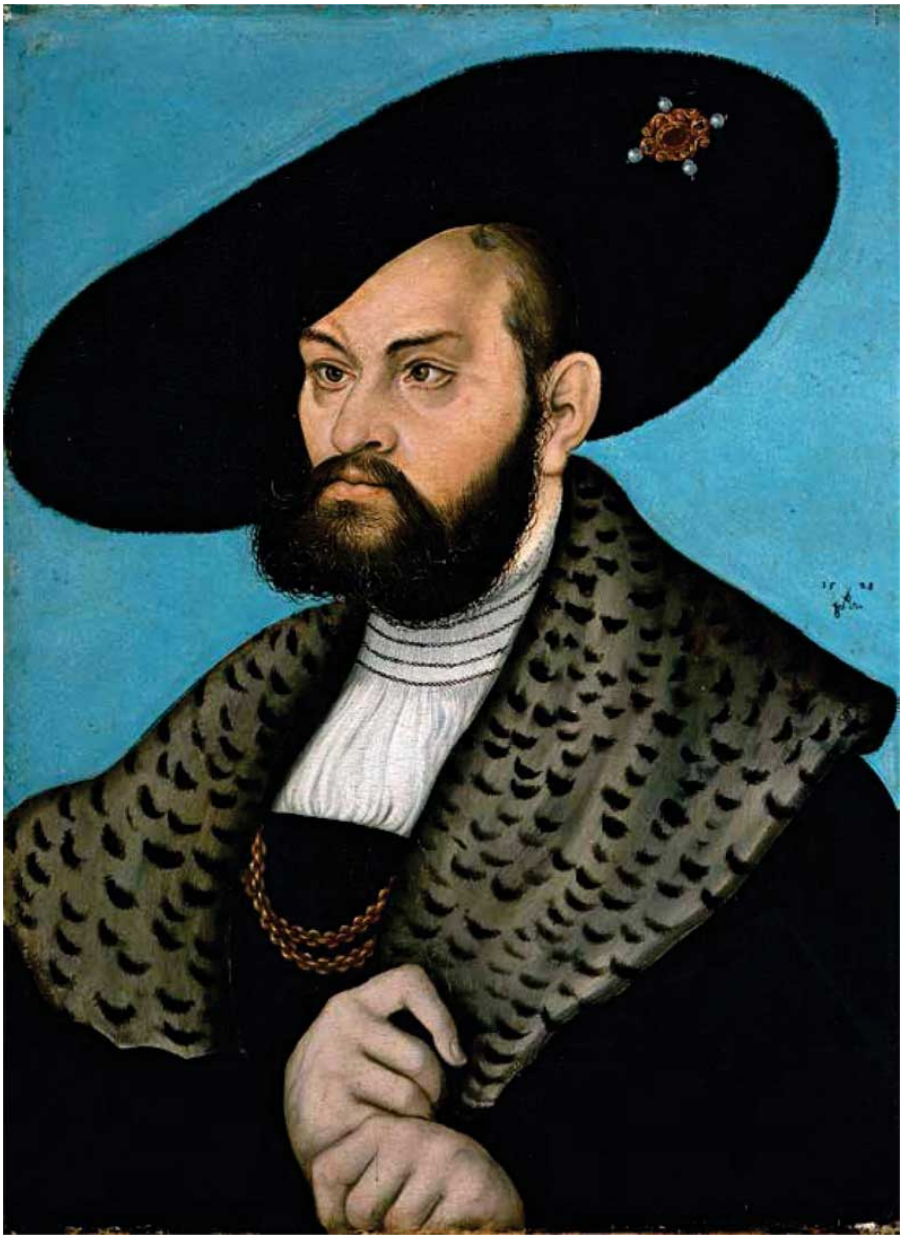
Ученые пытались объяснять эти явления недальновидностью православной знати Великого княжества Литовского, ее изменой русским национальным (или конфессиональным) интересам. Но, думается, участники событий начала XVI века были способны вполне адекватно оценить свои интересы, и задача историка состоит в том, чтобы их понять, а не в том, чтобы спустя несколько столетий раздавать запоздалые советы героям своих исследований. Возвращаясь к русско-литовским отношениям начала XVI в., следует отдавать себе отчет в том, что русское население за многие десятилетия пребывания под властью литовских князей успело сжиться с их властью, и присоединение их земель к Русскому государству представляло собой весьма сложную задачу, над решением которой пришлось побиться и Василию III. Интересно, что при этом хорошую службу ему сослужил Михаил Глинский. Но об этом ниже.

Чем же объясняются головокружительные успехи Ивана III в борьбе с Великим княжеством Литовским и относительно скромные достижения его сына на этом поприще? Чтобы объяснить их, мало сослаться на конфессиональный фактор. Иногда дело объясняют прагматическими соображениями – стремлением русской знати Великого княжества Литовского во что бы то ни стало участвовать в «большой политике», решении общегосударственных вопросов. Но вот великий князь Александр,

отвечая на претензии отъехавшего в Москву князя С. И. Бельского, замечал, что не видал его третий год… А ведь речь идет о князе, обладавшем огромными ресурсами. В источниках сохранились красочные описания войск таких князей, известно и кое-что об их дворах. Вряд ли такой князь не мог себе позволить поездку в Вильну к господарю. Очевидно, дело было в другом: их интересы были сосредоточены в их собственных княжествах, и пока политика государственного центра их устраивала, они верой и правдой служили господарю. В последние же десятилетия XV в., по-видимому, Казимир и Александр начали стремиться к пересмотру традиционных отношений с князьями порубежных земель: перестали заключать с ними договоры, на которых раньше строились эти взаимоотношения. Неудивительно, что в такой ситуации князья, привыкшие к высокой степени самостоятельности и никогда не выпускавшие из виду Москвы, сочли за лучшее перейти к ее правителю. Так обстояло дело при Иване III. Василию же пришлось иметь дело не столько с князьями (наиболее самостоятельные из них уже отъехали в Москву со своими владениями), сколько с городами, которые были гораздо теснее связаны с виленским двором, больше от него зависели и были готовы всячески отстаивать сохранение традиционных связей. Мятеж Михаила Глинского был не закономерностью, а результатом стечения обстоятельств, и потому потерпел поражение.

Псков

Заключив мир с Великим княжеством Литовским, урегулировав конфликт Иосифа Волоцкого со светскими и духовными властями (о нем ниже), Василий активизировал свои действия на другом направлении – псковском. Псков часто сравнивают с Великим Новгородом, но были между ними и существенные отличия. К началу XVI в. Господин Псков сохранял старинные вольности, главной из которых была деятельность веча – собрания, решавшего важнейшие вопросы городской жизни, в котором имели право участвовать все свободные и полноправные жители города. Историки называют Псков республикой, но следует иметь в виду, что сами его жители считали свою землю «отчиной» великого князя Московского, к которому относились с большим пиететом, сравнивая его с Богом. В псковских грамотах задолго до 1510 г. великий князь Московский титуловался «царем»; эта традиция сохранилась и после упразднения псковской самостоятельности. У великого князя псковичи привыкли искать справедливости в случае внутренних противоречий, конфликтов с соседями или с присылаемым из Москвы наместником. В отличие от Новгорода времен падения его государственности во Пскове не было «литовской партии» – влиятельной группировки, ориентированной на сотрудничество с Великим княжеством Литовским, что было особенно важно в условиях ожесточенной борьбы между Москвой и Вильной за западнорусские земли. Да и само боярское землевладение не было во Пскове столь развито, как в Новгороде, а благосостояние города зиждилось, очевидно, на торговле с Ливонией.



Последний верховный магистр Тевтонского ордена Альбрехт Гогенцоллерн.

Историки по сей день спорят о конкретных причинах ликвидации псковских вольностей (по сути, независимости, пусть она и была странной и призрачной): одни объясняют ее необходимостью обороны, другие – стремлением установить контроль над ливонской торговлей или вовсе навязать ливонцам собственные условия, третьи указывают на личные счеты с

Псковом Василия, которого псковичи десятилетием ранее отказались принять на княжение. Как бы то ни было, не вызывает сомнений тщательно продуманный характер этой акции. Ей предшествовали выгодные для русской стороны договоры Новгорода и Пскова с Ливонией, заключенные 25 марта 1509 г. Всего было заключено три договора: Новгорода с Ливонией, Пскова с Ливонией и Пскова с Дерптским епископством. По старой традиции формальным контрагентом Ливонии выступал Новгород, давно включенный в состав Русского государства: великий князь всея Руси считал ниже собственного достоинства напрямую сноситься с ливонцами и поручал эти сношения новгородским наместникам… Этот принцип русской дипломатии сохранялся еще многие годы. Если же говорить о содержании договоров, то оно было выгодным для русской стороны: ливонцы отказывались от военного союза с Великим княжеством Литовским против Русского государства, подтверждались границы и права свободного проезда ливонских купцов по русским территориям и русских – по ливонским. Устанавливался новый, равноправный порядок разбора конфликтных ситуаций. Ливонцам на Руси, а русским в Ливонии разрешалось торговать всеми товарами, за двумя важными исключениями: ливонцы не могли привозить на Русь соль, а в Новгород – еще и спиртные напитки. Это был серьезный удар по торговым позициям ливонского купечества, основанным во многом на торговле солью; то же относится и к торговле спиртным, прибыльность которой очевидна во все времена. Но ливонская сторона охотно пошла на заключение договоров, поскольку наконец получала возможность торговать в Новгороде, утраченную с закрытием Немецкого двора Иваном III в 1494 г.

Псковско-ливонские договоры заключал новый великокняжеский наместник, совсем недавно присланный во Псков, – князь Иван Михайлович Репня Оболенский. Возможно, Василий III рассчитывал с его помощью положить конец псковской независимости, а выгодный договор призван был подсластить пилюлю. Как бы то ни было, очень скоро какие-то его действия вызвали недовольство псковичей: местный летописец записал, что он был «лют до людей». Тем временем в Новгород вместе со своими приближенными отправился Василий III.

Дальнейшие события излагаются в источниках путано и противоречиво. Из Пскова в Новгород в великому князю с жалобами примерно одновременно отправились делегация псковских властей (которые, впрочем, начали жаловаться друг на друга) и московский наместник князь Оболенский. Василий обещал справедливо рассудить стороны конфликта, но в итоге его

решение свелось к тому, что он повелел снять вечевой колокол и ликвидировать самостоятельность Пскова. Псковом стали управлять два государевых наместника, а присматривать за ними был назначен дьяк Михаил Григорьевич Мисюрь Мунехин, пытливости которого мы обязаны первым изложением идеи Третьего Рима (об этом ниже). Как и в Новгороде тремя десятилетиями ранее, московские власти осуществили «вывод»: триста семей бояр и зажиточных горожан были переселены вглубь России (по выражению псковского летописца, «туда, где ни отцы, ни деды, ни прадеды не бывали»), а на их место были водворены новгородские помещики, триста семей купцов из других городов России, а также специалисты, необходимые для утверждения власти государя всея Руси в его «вотчине» Пскове. Таким образом, прослойка людей, торговавших с Ливонией, полностью поменялась. Со временем и те и другие как-то обосновались на новых местах: сохранился документ, составленный в Риге спустя примерно десять лет от имени «купцов московских, сведенных во Псков», с другой стороны, известно, что в том же десятилетии псковичи, выведенные в Москву, сообща построили там церковь Введения на Сретенке. Память о вече продолжала жить среди непривилегированной и незнатной части городского населения – «черных людей»: они продолжали собираться на такие собрания и после смерти Василия III. Однако социальная основа псковской самостоятельности была ликвидирована, притом куда менее болезненно, чем в Новгороде, без кровопролитных битв и казней. В отличие Новгорода не были конфискованы и земельные владения псковских церквей и монастырей. Наоборот, правящие круги Русского государства постарались сделать церковь одной из опор своей власти во Пскове, и с этой целью духовенству предоставлялись различные льготы. Именно благодаря деятельности московского дьяка М. Г. Мисюря Мунехина разбогател малоизвестный ранее Псково-Печерский монастырь, и именно монах одной из псковских обителей, Спасо-Елеазарова монастыря, Филофей в посланиях тому же Мисюрю Мунехину и Василию III сформулировал знаменитую концепцию Третьего Рима. И хотя псковский летописец сокрушался, что Псков разорен «многокрылым орлом», город испытывал экономический подъем: в 1517–1533 гг. в нем было построено 17 церквей (тогда как за весь период 1404–1508 гг. – всего 38), ремонтировались городские укрепления. Всё это дало положительный эффект уже довольно скоро, в годы войны с Великим княжеством Литовским, развернувшейся через два года после присоединения Пскова к Русскому государству.

Смоленск

В наши дни Смоленск – западный город России, воспринимается как неотъемлемая ее часть. До эпохи Василия III дело обстояло далеко не так. Смоленское княжество, возникшее в XII веке, сделалось объектом политики своих соседей примерно через сто лет, а в XIV столетии развернулась настоящая борьба за влияние на него между Московским и Литовским великими княжествами. При этом литовским князьям удалось оторвать от Смоленского княжества некоторые земли – например, Мстиславль. Само же Смоленское княжество постепенно утрачивало самостоятельность. Роковым стал 1386 год, когда в сражении с литовскими войсками погиб князь Святослав Иванович, а его сын Юрий принес присягу польскому королю Ягайлу и его фактическому наместнику на землях Великого княжества Литовского Скиргайлу. Энергичному Витовту, который вскоре пришел к власти в Великом княжестве Литовском, этого показалось мало, и после ожесточенной борьбы в 1404 году Смоленское княжество окончательно прекратило свое существование, став частью Литовского государства. Последний смоленский князь Юрий Святославич уехал в Москву, хотя Василий I и отказался поддержать его против своего тестя Витовта. Однако уже очень скоро Великое княжество Литовское стало для смольнян своим. Так, в 1410 г. они сражались в польско-литовских войсках против Тевтонского ордена под Грюнвальдом. Последней попыткой возродить независимость стало смоленское восстание 1440 г., когда наименее обеспеченная часть городского населения («черные люди» – ремесленники), доведенная до отчаяния голодом, попыталась воспользоваться убийством великого князя Сигизмунда Кейстутовича, брата Витовта, чтобы освободиться от литовской власти. Однако никакого заранее продуманного плана действий у них не было, не поддержала их и большая часть смоленских бояр и мещан (так называлась верхушка городского населения, благосостояние которой основывалось, вероятно, на торговле). Смоленск был взят, и спустя несколько лет, уже в 1447 г., новый великий князь Казимир Ягеллон выдал смольнянам привилей – жалованную грамоту, в которой перечислялись различные льготы. Всё это сопровождалось богатыми раздачами земли и других материальных ценностей, которые не прекращались ни при Казимире, ни при его преемниках. Это лишь усиливало привязанность смольнян к великому князю Литовскому.

Особо следует отметить, что на Смоленщине проводилась

весьма взвешенная религиозная политика. С конца XIV в., когда католицизм стал господствующей религией в Великом княжестве Литовском, его правители поддерживали эту конфессию и на землях, населенных православными: основывались католические костелы и монастыри, ограничивались возможности строительства и поддержания православных храмов, католическая церковь получала на Руси земли в качестве материального обеспечения. Конечно, все эти меры касались прежде всего Литвы, языческое население которой было крещено в католицизм. Но и здесь они могли встречаться с неудовольствием: так, известно, что в начале XVI в. в столице государства Вильне было столько же православных храмов, сколько и католических, что отражало численные пропорции русского и литовско-польско-немецкого населения. При этом католический монастырь был в Витебске, а к концу XV в. он был основан в Полоцке. В Смоленске же ничего подобного не было: сохранились сведения лишь о церкви, предназначенной для немецких купцов, и вместе с тем нет решительно никаких данных о католических приходах или владениях Виленского епископства. Зато сохранял высокое положение в местной социально-политической иерархии смоленский владыка (епископ), и максимум, что смог сделать великий князь Литовский, – так это добиться поставления на смоленскую кафедру угодного ему кандидата.

Претензии на Смоленск впервые высказал Иван III в 1478 г. Покорив Новгород, он заявил, что ему точно так же должны принадлежать древние русские города Витебск, Полоцк и Смоленск. Такие заявления, повторявшиеся впоследствии (к списку городов добавился Киев, а затем и Галич), обосновывались династическими правами – принадлежность потомков Ивана Калиты к той же династии Рюриковичей, что и киевские князья. Но одно дело – заявления, и совсем другое – практические меры, направленные на их реализацию. К таким мерам удалось приступить лишь в 1502 г., когда был совершен первый поход на Смоленск. Он не увенчался успехом. В Великом княжестве Литовском понимали, что Иван III от своих намерений не отступится, равно как и его сын Василий III. Смольнянам стали выдавать привилеи (аналог московской жалованной грамоты), но стратегическая инициатива оставалась все-таки в руках Москвы.

После войны 1507–1508 гг. напряженность в отношениях между Русским и Литовским государствами сохранялась. Постоянно происходили порубежные набеги и столкновения, задерживались с товарами торговые люди… Всё это – дело обычное в отношениях двух государств, тем более таких, которые

были не самыми добрыми соседями. Положение усугублялось тем, что между ними не было «вечного мира», а лишь перемирие, и обе стороны рассчитывали на возобновление военных действий: литовская – стремясь к реваншу, русская – надеясь развить успехи. И предлог нашелся в конце 1512 года. В это время в Великом княжестве Литовском была арестована вдова Александра Ягеллона Елена, родная сестра Василия III. Ее обвинили в намерении бежать в Россию, поскольку она начала перевозить свою казну поближе к границе, в свое браславское имение. А по другую сторону границы в это время как раз происходили маневры московских войск. При этом Елену схватили прямо в храме, тем самым нарушив все тогдашние предписания. Оттуда отвезли в Троки, а затем в Бирштаны. Вряд ли Елена действительно собиралась бежать, во всяком случае таким образом. Если уж бежать, то тайно, не говоря уже о том, что в самих поездках по имениям ничего предосудительного не было… Возможно, у литовской стороны просто сдали нервы. Как бы то ни было, Сигизмунд не внял просьбам Василия отпустить Елену, а в начале 1513 г. она умерла – по свидетельству современных источников, была отравлена.

К этому времени война уже шла полным ходом. Поздней осенью 1512 г. русские войска вступили на территорию Великого княжества Литовского, и их целью стал Смоленск. Полки двигались несколькими колоннами, одну из которых возглавлял лично Василий III. Но ни сам государь, ни его воеводы, ни русское войско в целом пока не обладали опытом взятия столь крупных и хорошо защищенных крепостей. Смоленская цитадель стояла на возвышении, подход к ней перекрывали река, болота, высокий вал и ров. Она была построена из деревянных срубов («городен», как тогда говорили), наполненных землей и камнями и обмазанных глиной. Такой внешний вид может показаться довольно скромным. Однако по тем временам и это было немало: в земле застревали пушечные ядра, а глина не давала поджечь крепость. Вообще каменных крепостей в то время в Великом княжестве Литовском было относительно немного. Деревянными оставались не только Смоленск, но и такие крупные крепости, как Полоцк или Киев. В итоге задача оказалась русскому войску не по силам. Простояв под Смоленском шесть недель, Василий III вынужден был отойти: приближалась весна, а с ней – распутица, делавшая невозможными военные походы. Причем город отстояли сами горожане (мещане): хотя польско-литовские источники и сообщают об огромных потерях русского войска, Сигизмунд тщетно просил военной помощи у Папы Римского…

Тем временем Василий проявлял исключительную

настойчивость и целеустремленность. Второй поход на Смоленск начался летом 1513 г. Благодаря связям Михаила Глинского в Европе удалось нанять необходимых специалистов – артиллеристов и инженеров. Вообще артиллерии в смоленских походах Василия III уделялась большая роль: во время третьего похода она и вовсе станет решающей. Но и на этот раз не помогли ни артиллерия, ни переговоры с осажденными. Русские воеводы попытались, что называется, с налету взять Оршу, Мстиславль, Кричев и Полоцк, но эти попытки не увенчались успехами благодаря действиям уже упоминавшегося К. И. Острожского. 1 ноября 1513 г. Василий был вынужден снять осаду Смоленска.

Однако и в этот раз город выстоял благодаря осажденным, обращавшим свои взоры в сторону столицы государства – Вильны. А там действенной помощи Смоленску оказать не могли. Попытки Сигизмунда навести на Русское государство своего союзника Менгли-Гирея раз за разом оканчивались неудачей. Крестовый поход против русских организовать не получалось. На экстренно собранные средства удавалось нанять относительно небольшое число наемников-«жолнеров», к тому же им приходилось действовать против русских войск не только под Смоленском, но и в других местах. Шляхта воевать не хотела: ей больше приходились по душе хозяйственные заботы в имениях, накопленных за долгие годы. Помощь Польского королевства была мизерной. Наконец, по-видимому, сказались и фатальные просчеты самого Сигизмунда и его советников. Так, накануне третьего похода Василия на Смоленск тамошний воевода Юрий Глебович был заменен на Юрия Сологуба, который и сдаст город на милость государя всея Руси…

Третий поход на Смоленск начался весной 1514 года. На этот раз все обстоятельства сложились в пользу Василия III: сбор ополчения в Великом княжестве Литовском был объявлен слишком поздно, когда русские войска уже находились под Смоленском, а сам город был подвергнут ураганному артиллерийскому обстрелу, ярко описанному летописцем. Вместе с тем сказались результаты предшествующих походов русских войск на Великое княжество Литовское: поскольку окрестности Смоленска были разорены, смольнянам оставалось лишь надеяться на подвоз продовольствия из более отдаленных частей их государства. Словом, изнуренные бесконечными осадами, они решили начать переговоры. Наряду с дворянином И. Ю. Шигоной Поджогиным и дьяком Иваном Телешевым в них участвовал ловкий князь Михаил Глинский. Им-то и удалось выторговать сдачу Смоленска в ответ на подтверждение его вольностей. Специальное исследование М. М. Крома не подтвердило мысли о

существовании в Смоленске некоей «московской партии». С представителями великого князя Московского вели переговоры представители всех слоев городского населения, изнуренного тремя осадами и фактической беспомощностью виленского правительства. 30 июля Василий выдал Смоленску жалованную грамоту, практически повторяющую (и немного расширяющую) различные привилегии, полученные смольнянами с 1447 по 1513 г. от великих князей литовских. Было дано и чрезвычайно важное обещание не «выводить» смольнян с их насиженных мест. Наверняка оно специально обсуждалось на переговорах: ведь «выводы» общественной верхушки местного населения практиковались московскими князьями и в Новгороде, и во Пскове, более того, представляли собой своего рода их ноу-хау: в Великом княжестве Литовском ничего подобного не практиковалось, и даже Витовт оставил в Смоленске бояр, служивших Юрию Святославичу. Наконец 1 августа состоялся торжественный въезд Василия III в город и присяга. Последний смоленский воевода Юрий Сологуб был отпущен в Литву, где его вскоре казнят как изменника.

Вслед за Смоленском под власть Василия III перешли города Мстиславль, Кричев и Дубровна. Государь всея Руси торжествовал. Но на смену успехам очень скоро пришли неудачи.

Первой из них стала фактическая измена Михаила Глинского. Судя по всему, амбициозный князь связывал со взятием Смоленска какие-то ожидания – возможно, рассчитывал, что Василий пожалует ему этот город в удел. Эти ожидания отразились в диалоге Василия и Михаила, который единодушно передают современное донесение, а также Герберштейн и другие авторы. Во всяком случае во второй половине 1514 г. он вступил в контакты с Сигизмундом, очевидно, рассчитывая перейти на его службу. Одна из грамот Сигизмунда, адресованных Глинскому, оказалась перехвачена государевыми людьми. В результате честолюбивый князь оказался в заточении, где просидит ближайшие двенадцать лет.

Второй удар последовал под Оршей. Здесь разместились русские войска, прикрывая только что взятый Смоленск от возможного контрудара Сигизмундовых полководцев. Действительно, к Орше двинулось войско под командованием прославленного Константина Острожского и командира польских наемников Януша Сверчовского. 8 сентября состоялась битва, в результате которой русские войска потерпели сокрушительное поражение. В плен попали русские воеводы и многочисленные дворяне. Сама битва была обставлена как триумф польско-литовского оружия. В Европе печатались брошюры о победах над

варварами-московитами, часть пленных отправлена в Рим, другая же часть осталась в плену на долгие десятилетия (Сигизмунд принципиально отказывался их выдавать русской стороне). Распространялись известия о невероятной, невообразимой численности войска московитов – до 80 тысяч человек! (На самом деле во всех войсках Русского государства столько воинов не было.)

Но каковы были реальные последствия Оршанской битвы? На сторону Сигизмунда вернулись Мстиславль, Кричев и Дубровна. Это говорило о том, что успехи Василия III пока были не стратегическими, а тактическими. О том же говорит и судьба Смоленска: узнав об исходе Оршанского сражения, смольняне предприняли попытку вернуться под власть великого князя Литовского, а на подмогу им отправился прославленный Острожский. Примечательно, что во главе заговора встал смоленский епископ Варсонофий, происходивший из влиятельного клана местных бояр Ходык. То есть, несмотря на заверения государя всея Руси в поддержке единоверцев и единоплеменников, сами они не горели желанием переходить под его власть. Однако было поздно: о заговоре вовремя узнал наместник В. В. Шуйский. Часть смольнян была демонстративно казнена, епископ сведен с кафедры и сослан в далекий монастырь, а на освободившуюся кафедру поставлен Иосиф, до этого бывший архимандритом Чудова монастыря в Московском Кремле. А вскоре заработал маховик знаменитого московского «вывода». Очевидно, заговор пустил корни настолько глубоко, что его нельзя было объявить делом какой-то незначительной части местного общества. В таких случаях иногда прибегали к социальной риторике: мол, изменники – худородные людишки, что с них взять… Но тут перейти под власть Сигизмунда вознамерились самые знатные и влиятельные. Очевидно, у них была отобрана жалованная грамота (благодаря этому она и сохранилась – в составе будущего архива Посольского приказа), а сами они были переселены вглубь государства. На их место были водворены московские дворяне и дети боярские. Вряд ли Василий III и его советники мыслили такими категориями, как «социальная память»: это понятие было введено учеными лишь в XX столетии. Но они прекрасно понимали, что делали: уже к концу XVI века смольняне, переселенные вглубь страны, фактически забыли о своем происхождении. Смоленская страница была стерта, точнее, вырвана из их памяти… Смоленск же остался за Русским государством вплоть до Смуты, когда он был взят польско-литовскими войсками. Вернуть его удалось лишь Алексею Михайловичу в 1654 году.

Война и дипломатия

После Оршанской битвы война между Русским государством и Великим княжеством Литовским продолжалась еще несколько лет, но боевые действия велись в обычном для военной повседневности стиле – в виде небольших стычек и приграничных походов. На общую расстановку сил они влияли незначительно. Это давало надежду на постепенное истощение хозяйственного потенциала противника, а участникам таких походов позволяло разжиться награбленным добром. Не оставалось в стороне и местное население, которое не брезговало тем, чтобы во время очередного такого похода свести счеты с соседями (сохранилось свидетельство о таком конфликте между подданными одного и того же правителя – великого князя Литовского). Единственное крупное сражение разыгралось на русской территории, под стенами псковской крепости Опочки осенью 1517 года, и на этот раз его инициатором выступила литовская сторона.

Смоленский собор Новодевичьего монастыря в Москве

К сражению тщательно готовились: Сигизмунд Старый подкупил крымского хана, чтобы тот напал на Русское государство с юга, а сам озаботился оплатой наемников – самой боеспособной части литовского войска – для похода на Псковщину. Командование было поручено победителям

Оршанской битвы – великому гетману Константину Острожскому и командиру наемников Янушу Сверчовскому, а сам король для сбора войск даже прибыл в Полоцк, откуда было удобно наступать на Псков. При этом задача, по-видимому, ставилась довольно скромная – склонить русские правящие круги к принятию литовских условий и заключению мира на более выгодных условиях. О возвращении Смоленска военными методами речи не шло.

В Русском государстве, конечно, знали о планах Сигизмунда и тоже готовились к войне на двух направлениях. Военные отряды были выдвинуты на юг для отпора крымцам и на северо-запад. Ремонтировались укрепления Пскова.

На пути к Пскову войскам Сигизмунда необходимо было взять крепость Опочку. Это была задача не из легких: крепость находилась на острове в устье реки Великой, ее валы возвышались прямо из воды, а с берегом ее соединял единственный мост. Крепость была построена из деревянных конструкций, заполненных землей, которая задерживала пушечные ядра, и поэтому взять ее штурмом было очень сложно. Не удалось это и великому князю Литовскому Витовту во время его похода на Псковскую землю в 1426 г. Небольшая крепость доставила немало неприятностей войску Великого княжества Литовского и в 1517 году. Ко всему прочему войско выступило в поход с опозданием и подошло к Опочке лишь к началу октября, когда явственно вырисовывались перспективы осенней распутицы, делавшей крупномасштабные боевые действия невозможными.

Всё это предопределило успех русских воевод. Приступы Острожского и Сверчовского были отбиты, а шедшие им на подмогу отряды разбиты. Цифры потерь литовского и наемничьего войска, приводимые в источниках, сильно различаются: во-первых, учет потерь тогда сильно отличался от нынешнего, а во-вторых, даже если о них и существовало более или менее правдоподобное представление, эти цифры старались исказить в угоду тому или иному намерению. Спустя несколько лет сам Сигизмунд Старый называл общую цифру потерь в пять тысяч человек, а саму Опочку, небольшую по сравнению с близлежащими Великими Луками, в сердцах окрестил «бесовой деревней». Между тем на юге русские воеводы отбили крымский набег. Таким образом, литовский реванш не удался. И хотя переговоры и вялотекущие боевые действия затянулись, в итоге перемирие в 1522 г. было заключено на условиях признания принадлежности Смоленска Русскому государству. Это была большая победа Василия III.

Тем временем о русском государе вспомнили в Западной Европе. История русско-имперских взаимоотношений восходит к временам Ивана III, когда Русское государство решительно заявило о себе на международной арене. Этим решил воспользоваться император Священной Римской империи Максимилиан I: после смерти венгерского короля Матвея Корвина (Матьяша Хуньяди) в 1490 г. перед императором открылись перспективы получения венгерской короны – оставалось лишь одержать победу над другим претендентом, чешским королем Владиславом Ягеллоном. Памятуя о неприязненных отношениях московского великого князя с Ягеллонами, Максимилиан решил заключить с Иваном III союз, по которому обещал помочь государю в отвоевании у них «вотчины» Рюриковичей – Великого княжества Киевского. Но уже в 1491 г. в Пожони (Прессбурге; современная Братислава) Максимилиан заключил договор с Владиславом, по которому признавал его права на венгерский престол – с тем лишь условием, что в случае смерти Владислава без мужского потомства Венгрия должна была перейти к римскому императору. Максимилиан достиг желаемого, и его интерес к далекой Руси на время угас.

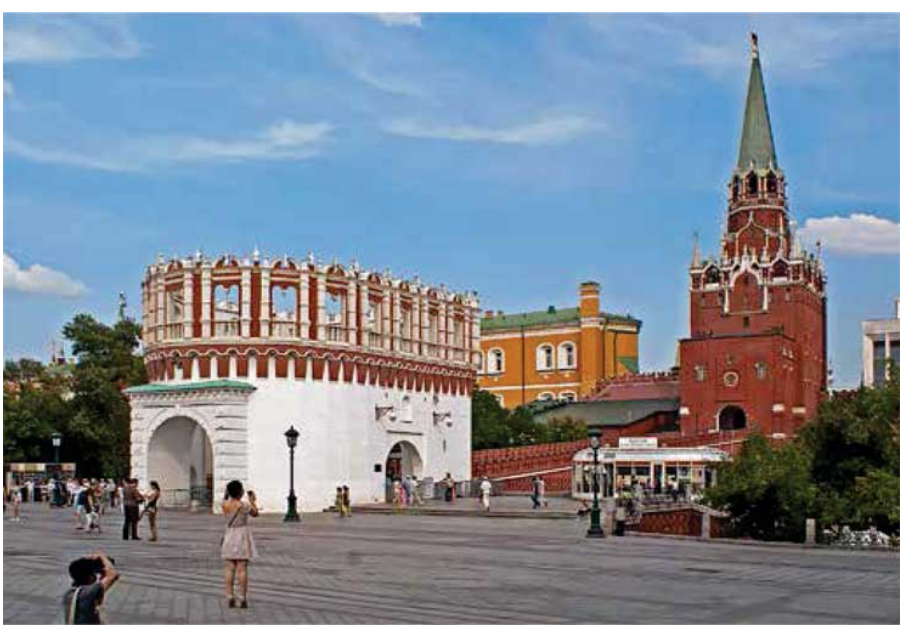
Этот интерес проснулся лишь в начале XVI в., уже в правление наследника Ивана III, когда вновь возник вопрос о будущем венгерской короны. Но этим дело не исчерпывалось. Была еще одна причина, по которой император (как, впрочем, и Папа Римский) был заинтересован в сближении с Русским государством, – нараставшая османская угроза. Начало XVI в. ознаменовалось крупными успехами османов в Европе и отчаянными попытками создания антиосманской коалиции. Поскольку она мыслилась как объединение христианских (т. е. католических) государств, параллельно возникла идея церковной унии между православными и католиками.

Новая череда контактов началась в 1509 г., когда Максимилиан обратился к Василию с просьбой восстановить ганзейский торговый двор в Любеке, закрытый Иваном III в 1494 г. Цепь дальнейших событий привела к тому, что в 1514 г. в Москву приехал имперский дипломат Георг Шнитценпаумер фон Зоннег. Ему предстояло договориться об условиях союза России и Священной Римской империи, направленного против Польши. Однако Шнитценпаумер превысил свои полномочия: была не просто достигнута договоренность, а выработан текст договора, на котором присягнул Василий III. Предметом особой гордости московских дипломатов, да и самого великого князя, было то, что в тексте договора он именовался «кайзером»,

«кесарем», то есть императором. Таким образом, получалось, что глава христианского мира признавал за московским монархом царское достоинство (спустя двести лет этот факт будет подчеркивать Пётр I). Для окончательной ратификации союза на нем оставалось присягнуть Максимилиану. Получалось, что он должен был выступить на стороне Василия в войне за Смоленск, тогда как именно в это время имперско-польские отношения приобретали выгодный для императора оборот. Незадачливый дипломат попал в немилость, император в одностороннем порядке изменил текст документа (а что ему оставалось делать?), вычеркнув оттуда положение о военном союзе и включив положение об имперском арбитраже конфликта Василия с Сигизмундом – третейском суде, который ни к чему не обязывал воюющие стороны. На этот раз результатом миссии своих послов был недоволен Василий: военной помощи он не получал, зато император исходил из представления о собственном особом месте в Европе. Дальнейшему расхождению Русского государства и Священной Римской империи поспособствовала Оршанская битва, которую Сигизмунд Старый постарался представить триумфом христиан над «варварами»-московитами. Точку в надеждах государя всея Руси на союз с «цесарем» поставил Венский конгресс 1515 г. На встрече европейских монархов было решено, что после смерти Владислава Венгерского права на занятый им чешский престол перейдут к наследникам Максимилиана. Одновременно была достигнута договоренность о женитьбе Людовика, сына Владислава, на Марии, внучке Максимилиана, а императорского внука Фердинанда – на дочери венгерского короля Анне. Сигизмунду же досталась третья внучка императора – принцесса Бона Сфорца. Польский король на радостях заявил, что готов пойти с Максимилианом хоть в рай, хоть в ад. Теперь императору предстояло выступить посредником между Сигизмундом и Василием.

Эта миссия была возложена на верного слугу императора Максимилиана – барона Сигизмунда Герберштейна. Он прибыл в Москву в 1517 г., одновременно с литовскими послами, чтобы предложить Василию всё же вернуть Смоленск Великому княжеству Литовскому. Надо сказать, что само время, выбранное для переговоров, играло на Василия III: тот заявил, что начнет их лишь после отвода литовских войск с русской территории. В результате государь всея Руси мог разговаривать с королевскими и императорскими послами с позиций триумфатора, чьи военачальники только что нанесли поражение вражеским войскам. Заявления же послов остроумно парировались. Когда Герберштейн заявил о необходимости объединиться

христианским государям для борьбы с мусульманской угрозой, Василий напомнил ему, что он постоянно воюет с татарами, тогда как Сигизмунд заключил с ними союз и наводит их на Русь. Более того, – перешли в наступление русские дипломаты – виновником войны является Сигизмунд, и чтобы воцарился мир, он должен отдать Русскому государству Киев, Полоцк, Витебск и те города, которые великий князь Александр передал Елене Ивановне. Когда же литовские послы предъявили встречное требование вернуть города, занятые Иваном III и Василием III, а заодно добавили к ним Новгород и Псков, им был показан договор с Максимилианом, в котором признавались права Русского государства на Киев, Полоцк и Витебск. Тут уже в неловком положении оказывался имперский посол. После этого переговоры продолжались в русле дискуссий о том, у кого больше прав на эти города, так что к главному реальному приобретению Василия – Смоленску – долго не возвращались. Попытки Герберштейна убедить Василия в том, что тот должен вернуть Смоленск Великому княжеству Литовскому или хотя бы владеть им совместно с Сигизмундом, ни к чему не привели. Неудачей окончилась и просьба имперского посла отпустить из заточения Михаила Глинского: ему ответили, что тот недавно наконец вернулся в православие (всё предшествующее время князь оставался католиком), так что выпустить его означало бы обречь его душу на погибель. Дипломатам пришлось ни с чем возвращаться восвояси.



Троицкий мост Московского Кремля. Современный вид

Параллельно переговорам с империей развивались дипломатические контакты Русского государства на другом направлении – с Тевтонским орденом. В начале XVI в. эта духовно-рыцарская корпорация давно уже пребывала в состоянии кризиса: еще по результатам Тринадцатилетней войны с Польшей 1454–1466 гг. орден лишился восточной части Пруссии (она получила название Королевской Пруссии), а его верховный магистр, т. е. глава, стал вассалом польского короля. Руководство ордена не хотело мириться с таким положением вещей и стремилось к реваншу. И, казалось, благоприятный момент настал в начале второго десятилетия XVI в. Когда в 1515 г. Василий III предложил верховному магистру ордена Альбрехту Гогенцоллерну (Бранденбургскому) заключить союз против Польши, тот с готовностью согласился. Дело было поручено орденскому дипломату Дитриху Шёнбергу (Шомбергу), убежденному, что главный интерес ордена состоит в том, чтобы Россия и Польша постоянно воевали: иначе Польша сможет обратить свои силы против ордена, и тому придет конец. В 1517–1519 гг. Шёнберг несколько раз приезжал в Москву. Поначалу он просил у русского государя прислать войска или хотя бы помочь деньгами для их найма. Василий III выдвинул вполне обоснованное встречное условие: орден должен начать войну против Польши, а на первых порах Русское государство может выдать ему сумму, которой хватило бы на небольшой отряд наемников. В 1517 г. союзный договор был заключен. Наконец в 1519 г., удостоверившись в том, что Русское государство пока не собирается мириться с Великим княжеством Литовским, орден начал войну против Польши. Поначалу ордену удалось разорить и захватить некоторые территории, но вскоре польские войска перешли в наступление. Не помогала и денежная помощь Василия III, тем более что он свои обязательства выполнил (в 1519 г. воевал с Великим княжеством Литовским) и выдвигал явно нереалистичное требование орденского наступления на Краков. Война ордена с Польшей окончилась в 1521 г. четырехлетним перемирием, а в 1525-м Альбрехт Бранденбургский принес вассальную присягу Сигизмунду и секуляризировал орден, став первым светским герцогом прусским.

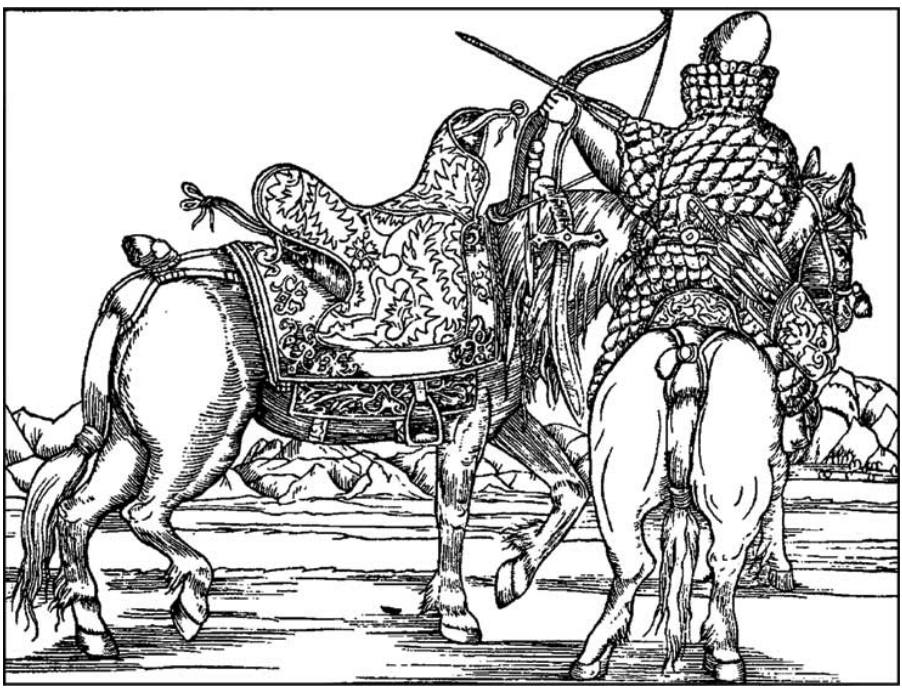
Этим контакты Василия III с Западом не исчерпывались. В годы его правления Москву посетило несколько посольств с предложением присоединиться к антиосманской лиге и заключить унию с католической церковью. С этой целью к русскому государю приезжали несколько послов, среди них – всё

тот же Герберштейн. К счастью, Василий не дал втянуть себя в антиосманскую авантюру: отношения с Турцией складывались спокойно, а немало хлопот ему и так доставляла борьба с ханствами – наследниками Орды.

Здесь самое время вернуться к деятельности Сигизмунда Герберштейна. Как мы видели, ни первая, ни вторая его миссия не увенчались успехом. Славу его имени принесло другое свершение – «Записки о Московии», впервые изданные им в 1549 г. на латыни и неоднократно переиздававшиеся. По словам исследовательницы «Записок» А. Л. Хорошкевич, они надолго задали «идеальный тип» сочинений о России. Герберштейн подробно охарактеризовал географию России и ее соседей, историю этих стран (в особенности недавнюю, чему способствовали его многочисленные беседы с участниками событий), «обычаи русских» – как они женятся, ходят друг к другу в гости, во что веруют и какие обряды исполняют, как торгуют, как принимают послов; наконец, Герберштейн привел в своем сочинении обширные выдержки из Судебника Ивана III, благодаря чему у историков появляется редкая возможность увидеть, как юридический документ действовал на практике. При этом образ России и русских, созданный Герберштейном, чрезвычайно противоречив, поскольку перед автором записок стояла двойная задача: объяснить, почему императоры Священной Римской империи выбрали себе в союзники русского государя, и вместе с тем – причины неудачи этого союза. В результате под пером австрийского барона возник образ страны, которая снизу доверху пронизана рабством, и ее государя – неудачливого, жадного, мстительного и заносчивого. Большой пассаж Герберштейн посвятил вопросам титулатуры, пытаясь доказать, что титул «царь» соответствует европейскому «королю», а не «императору», тогда как последнее является заблуждением.

Крым, Казань и Рязань

После событий первых лет правления Василия III отношения с татарскими ханствами на некоторое время стабилизировались. Крымские набеги сменялись дипломатическими контактами. На казанском престоле сидел Мухаммед-Эмин. Правда, в первой половине 1510-х гг. крымский хан Менгли-Гирей пытался привлечь Василия к планам завоевания Астраханского ханства, которое в Крыму рассматривалось как наследник Большой Орды. Эти планы не реализовались. В 1515 г. Менгли-Гирей умер, и на престол вступил его сын Мухаммед-Гирей, настроенный по отношению к Руси более враждебно.

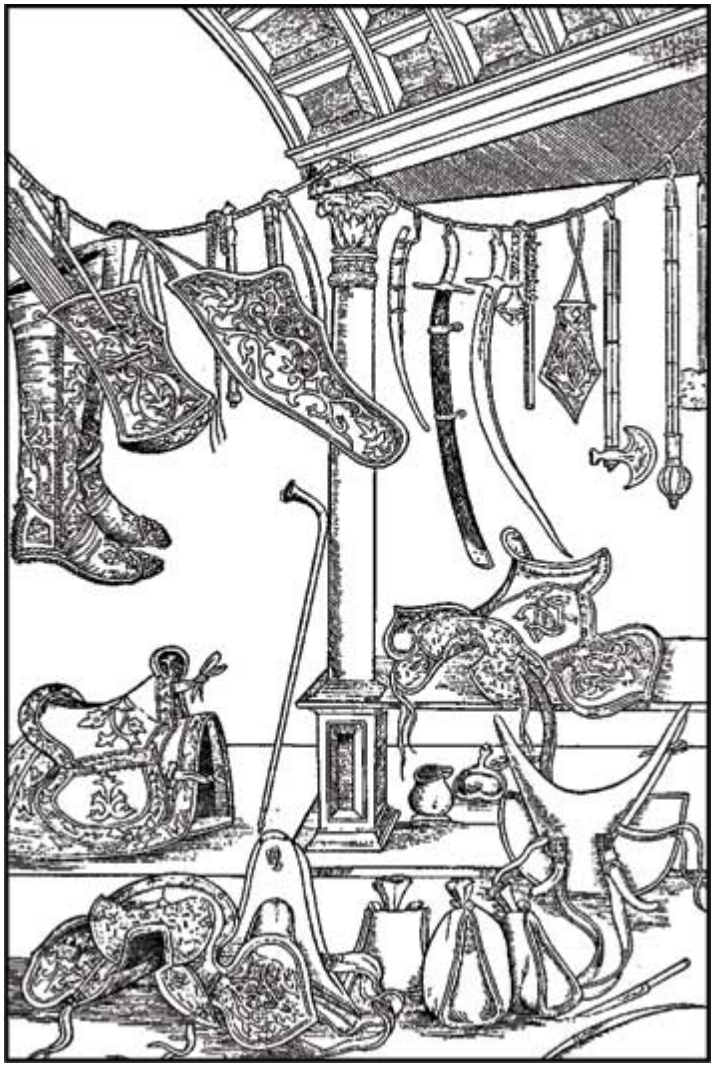


Русский всадник с лошадью. Гравюра из «Записок о Московии» С. Герберштейна. XVI в.

В 1516 г. из Казани пришла весть о болезни Мухаммед-Эмина. Пора было задуматься, кого Москва хочет видеть его преемником. Лучшей кандидатурой был брат Мухаммед-Эмина Абдул-Латиф, в 1497–1502 гг. уже бывший ханом, а с 1512 г. томившийся в заключении по обвинению в содействии крымскому набегу. Казанская знать принесла ему присягу, Абдул-Латиф был выпущен на свободу и получил в кормление Каширу.

Вскоре после этого согласно рассказу Герберштейна Абдул-Латиф имел неосторожность явиться на охоту к Василию III с боевым оружием, что было сочтено покушением на жизнь государя. Несостоявшегося князя арестовали и отправили в Серпухов, где он был отравлен. В этой красочной истории остается непонятным, зачем Василию понадобилось избавляться от претендента на казанский престол, который устраивал буквально всех – и Москву, и Крым, и казанскую знать… Следующий претендент, касимовский «царь» Шигалей, такими качествами не обладал, к тому же был совсем юным и неопытным: в 1518 г., когда наконец умер Мухаммед-Эмин, Шигалею исполнилось всего 13 лет. Был свой претендент на казанский престол и в Крыму – Сагиб-Гирей, брат Мухаммед-Гирея. Однако из-за обострения внутренней борьбы крымский хан не успел воспользоваться моментом, и в Казань прибыл Шигалей. События, казалось бы, развивались по благоприятному для Москвы сценарию.

С первых месяцев правления в Казани Шигалей, неискушенный в местной политике, сумел настроить против себя часть тамошней знати необоснованными репрессиями. Недоволен был и Мухаммед-Гирей, поскольку Шигалей происходил из той же династии, что и астраханские ханы. В результате в 1521 г. в Казань прибыл Сагиб-Гирей и занял престол ханства. Шигалея просто выгнали в чисто поле, и ему пришлось бежать к Василию III.



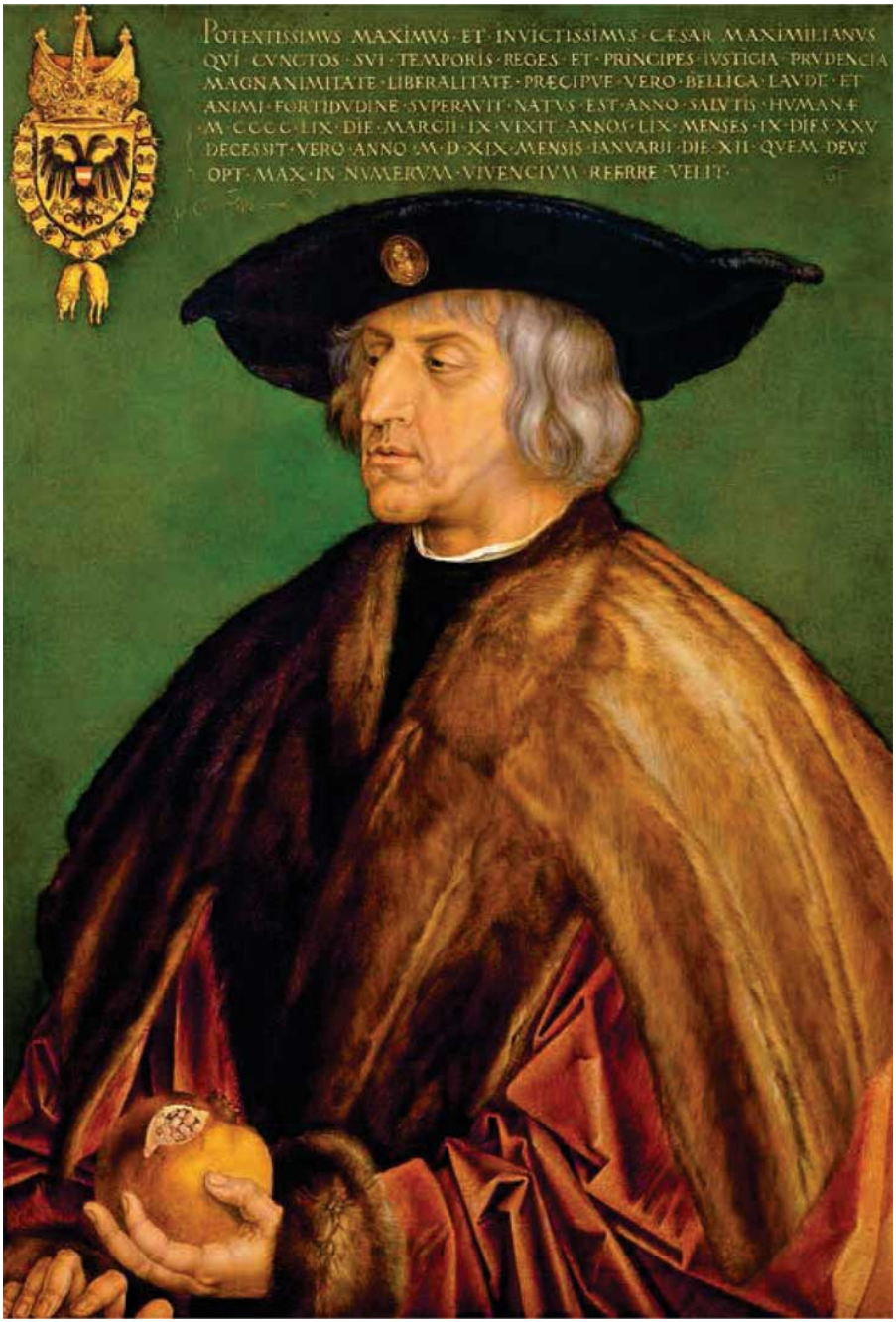
Оружие, конская сбруя и дорожная сбруя. Гравюра из «Записок о Московии» С. Герберштейна. XVI в.

Воцарение в Казани Шигалея было не единственным обстоятельством, которое в Крыму воспринимали с раздражением. Незадолго до этого был «поиман» и заключен в Москве рязанский великий князь Иван Иванович. Ликвидация буферного Рязанского княжества означала усиление позиций Москвы в регионе, выдвинутом в Поле. Попытки Василия III установить союзные отношения с турецким султаном крымский хан Мухаммед-Гирей также воспринимал как угрозу своим интересам. Он пытался заручиться поддержкой Астрахани, Османской империи, Вильны, но все эти попытки не увенчались решающим успехом. Тогда, вероятно, Мухаммед-Гирей решил

действовать самостоятельно.

В ночь на 28 июня 1521 г. крымские войска вместе с отрядом литовского военачальника Остафия Дашковича перешли Оку. Это произошло настолько внезапно, что русские полки, расквартированные близ Серпухова и Каширы, оказались застигнутыми врасплох. Часть их подверглась истреблению, другие растерялись. Разумеется, та же печальная участь ждала мирное население южных уездов, и оно устремилось в Москву. Но путь к ней был открыт и для ханского войска. Оно же не встречало сопротивления на своем пути, грабило и разоряло деревни, тем более что эти районы были достаточно плотно заселены, а значит, крымцам было чем поживиться. Сам Василий III с братьями Юрием и Андреем выехали из Москвы в Волоколамск, а оборона столицы была вверена своему татарину – царевичу Петру. Если верить рассказу Герберштейна (который, впрочем, не жалел черных красок для изображения Василия III), государю всея Руси в какой-то момент пришлось прятаться в стогу сена. Татар ждали даже на далекой Псковщине, где войсками была усилена Вороначская крепость. Оттуда же, с северо-запада, выступили в центр страны войска псковского наместника князя М. В. Горбатого.

Тем временем крымские войска приблизились к столице на расстояние до 15 км. Были сожжены посады Коломны, Каширы, Угрешский монастырь. Побывали крымцы и в подмосковной царской резиденции – селе Воробьёве (нынешний район Воробьёвых гор на юго-западе Москвы). Они увели с собой огромный полон, а детей, захваченных в обозе эвакуировавшихся из Москвы бояр, попросту разбросали по лесу.



Император Максимилиан I. Портрет работы А. Дюрера. 1519 г.

По сути, цель похода была достигнута. Хан не ставил перед собой цели захвата крепостей, служивших опорными пунктами контроля любой территории. К тому же Василий III в отчаянной ситуации выдал хану специальную грамоту, в которой обязался

уплачивать ему дань. В середине августа крымские войска повернули на юг. На их пути находилась Рязань, последнему князю которой, Ивану Ивановичу, только что удалось бежать из московского заточения, пока в городе царила паника. Возможно, хан решил воспользоваться этим, и это в какой-то мере объясняет и сам поход на Рязань, и последующие события. Как бы то ни было, Иван Иванович направился в Рязань, но долго там не пробыл и оттуда бежал в Литву. Когда же к Рязани подошли ханские войска, ее обороной руководил московский воевода князь Иван Хабар. Мухаммед-Гирей стал требовать от него сдать город: ведь сам великий князь только что признал себя ханским данником, а значит, и Хабар обязан подчиниться! Воевода не растерялся и попросил показать ему государеву грамоту, в которой тот признавал себя данником. Стоило ему получить грамоту, как он ее уничтожил. Тем самым крымцы оказывались посрамлены: теперь они ничем не могли подтвердить обещаний Василия Ивановича. Мухаммед-Гирей счел за лучшее отойти от Рязани и отправиться восвояси. Так и закончился крымский набег 1521 г. на Русское государство. Иван Хабар вскоре из окольничего стал боярином, а выяснение того, кто из русских воевод виноват в событиях 1521 г., не принесло никаких серьезных последствий: старшим воеводам не удалось свалить всю вину на молодого князя Д. Ф. Бельского. А последний рязанский князь Иван Иванович так и остался в Литве. Поначалу он еще тешил себя надеждой на возвращение «вотчины», но со временем эти надежды рассеивались. Князь доживал свои дни в имении, пожалованном ему Сигизмундом Старым, и потихоньку спивался. Рязань же окончательно вошла в состав Русского государства.

Между тем на южном и восточном направлениях обстоятельства и дальше складывались в пользу Русского государства. В 1523 г. при очередной попытке утвердить свои позиции в Астраханском ханстве погиб от рук своих вчерашних союзников ногаев крымский хан Мухаммед-Гирей. После этого ногаи разорили Крым, и новому хану Саадат-Гирею стало не до воинственной внешней политики. Он пытался требовать от Василия III «выход», но получил недвусмысленный отказ.

Василий III решил воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы восстановить русское влияние в Казани. Ведь оттуда несколькими годами ранее был изгнан хан Шигалей – русский ставленник, но при этом законный хан. Крымское и Астраханское ханства, Османская империя оказывались занятыми и не могли вмешаться в казанские дела. После того как в 1523 г. в Казани был убит русский посол В. Ю. Поджогин, Василий III и Шигалей выступили в поход. В устье реки Суры был поставлен Васильград

(впоследствии Васильсурск), которому отводилась роль опорного пункта в наступлении на Казань. Казанский хан Сагиб-Гирей понимал, что кольцо сжимается, просил помощи у османов, но те ее не дали. В 1524 г. Шигалей и русские воеводы отправились в поход, проходивший под знаменем возвращения законного правителя на казанский престол. И хотя поначалу Василий III принципиально не хотел видеть на нем представителя династии Гиреев, а поход увенчался военными успехами (в дополнение ко всему Казанское ханство разорили ногаи), на престол был посажен не Шигалей, а Сафа-Гирей. В обмен на это казанская знать в очередной раз принесла Василию III присягу на верность. Русский государь добился экономического преимущества: по соображениям безопасности купцов, постоянно подвергавшихся ограблениям и убийствам, торг был перенесен из-под Казани в Нижний Новгород. Таким образом, центр торговли на Средней Волги, существовавший с XIII века, перемещался в русский город. Подобно тому как о взятии Казани нам по сей день напоминает московский собор Покрова на Рву, более известный как храм Василия Блаженного, о непростых русско-казанских отношениях более раннего периода напоминает дожившая до наших дней Нижегородская ярмарка.

После этого отношения Русского государства с восточными и южными соседями складывались, что называется, ни шатко ни валко. Крымское ханство погрязло во внутренних усобицах (которыми пытался пользоваться Василий III), так что ему долгое время было не до походов на Русь. Единственным исключением стал летний поход 1533 г., когда татары дошли до Рязани.

В годы правления Василия III добрососедские отношения Русское государство поддерживало и с Османской империей. Собственно, о соседстве двух государств можно говорить лишь условно: общей границы у них не было, а значит, особо нечего было и делить, что способствовало в целом дружественным отношениям. Османские дипломаты не скупились на пафосные титулы для Василия III, но никаких практических последствий это не имело. Хотя Крымское ханство и было вассалом Османской империи, контакты с ней никак не влияли на русско-крымские отношения. Добрососедские же отношения были важны не только как залог успешной торговли, но и как подспорье в деле контактов с греческими церковными иерархами: Василий III неоднократно снабжал их «милостыней», при нем сохранялись отношения с Афоном (Святой горой), была предпринята и попытка восстановить отношения с Константинопольским патриархатом. Ведь контакты с Константинополем прервались во второй половине XV в., после установления автокефалии Русской

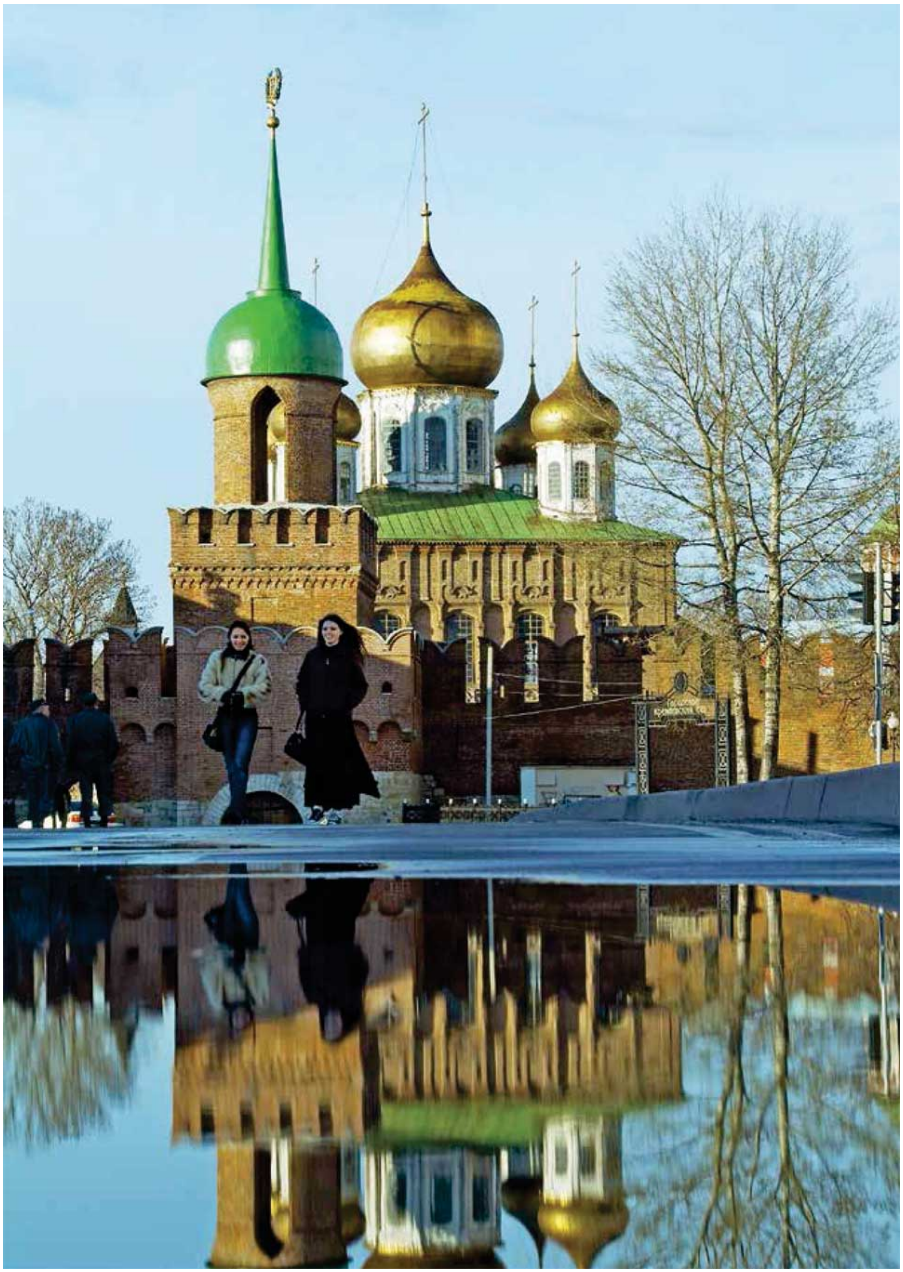
церкви. Если митрополит Иона, избранный в 1448 г., еще продолжал в каноническом отношении подчиняться константинопольскому патриарху, то при его преемниках эта связь прервалась. В Константинополе не могли смириться с разделением русской митрополии: считалось, что на Руси может быть лишь один митрополит – Киевский и всея Руси. В 1466–1467 гг. патриарх Дионисий признал таким митрополитом Григория Болгарина, а митрополита Филиппа, титуловавшегося «всероссийским», отлучил от канонического общения. В качестве ответной меры в Москве запретили каноническое общение с патриархатом и западнорусской митрополией. Попытка восстановить это общение была предпринята в 1516 г.: в этом году на Русь было отправлено посольство патриарха Феолипта (с ним на Русь приехал Максим Грек, о котором речь пойдет ниже) с грамотой митрополиту Варлааму, в которой тот титуловался «митрополитом Киевским и всея Руси» и «митрополитом Московским и всея Руси». Это означало фактическое признание каноничности поставления главы Русской церкви.

Русско-турецкие отношения несколько омрачила серия инцидентов с турецким посланцем греком Скиндером: в 1524 г. ему не дали разведать положение дел на юге Русского государства, где султан хотел построить очередную крепость. Несмотря на это, его поездки на Русь продолжались, пока он не умер в Москве в 1530 г. Это не на шутку встревожило султана: поговаривали даже о перспективах турецкого похода на Русь. Но все эти разговоры были нереалистичными: сами османы дороги на Русь не знали, а использовать крымцев не удалось бы из-за усобиц в Крымском ханстве.

Любопытным эпизодом последних лет правления Василия III стало прибытие в Москву индийского посольства от знаменитого падишаха Бабура – основателя династии Великих Моголов. Правда, к моменту, когда посольство добралось в Москву, Бабур уже умер. Но послы об этом, разумеется, не знали и предложили Василию III дружбу с ним. В Москве, разумеется, ничего определенного не слышали о далекой Индии и сочли нужным поинтересоваться, с кем предлагается дружить государю всея Руси – с равным ему государем или с «урядником» (т. е. должностным лицом, чиновником)? С этим вопросом (а фактически ни с чем) индийское посольство и вернулось восвояси. Этот эпизод интересен тем, что показывает, с одной стороны, выросшее международное значение и престиж Русского государства (раз о нем прослышали в далекой Индии!), а с другой стороны, представления Василия III и его окружения о том, что русскому государю гоже, а что негоже.

Что может и чего не может государь всея Руси? Семейная жизнь Василия III

Как уже говорилось, политику в XVI веке невозможно понять без учета ее династического характера. Вступив на престол, правитель стремится обзавестись наследником мужского пола (если он еще не родился), а затем передать ему власть над страной. Василий III как никто иной осознавал актуальность этой задачи: ведь сам он в свое время обошел Дмитрия Внука. Шли годы, и нарастала опасность повторения ситуации рубежа столетий: у Василия III и Соломонии так и не рождался ребенок, зато были живы государевы братья – Андрей и Юрий, которые наверняка не преминули бы занять его престол. Судя по всему, памятуя о судьбе Дмитрия Внука, Василий III запрещал своим братьям жениться. Думается, что не случайно свадьба государева брата Андрея состоялась лишь в 1532 г., когда тому шел уже 42-й год, а у Василия родился долгожданный наследник. Другой же брат, Юрий Иванович, считался более серьезной угрозой Василию. Он так никогда и не женился, был арестован очень скоро после смерти Василия, в декабре 1533 г., и умер в заточении в 1536-м.



Тульский кремль

Кто бы ни был причиной сложившейся ситуации – государь всея Руси или его супруга – тогдашняя медицина была бессильна перед этой проблемой. Что мог сделать в этой ситуации Василий III? Прежде всего составить завещание, а в нем назначить наследника престола и определить уделы братьев. И такое завещание было составлено накануне присоединения Пскова к

Русскому государству, то есть в 1509-м или 1510 г. О его содержании остается строить догадки: перед самой смертью Василий приказал его уничтожить (благодаря этому и известно о его существовании). Историк А. А. Зимин полагал, что сначала наследником престола был назначен царевич Пётр – несостоявшийся казанский хан, крещенный в начале правления Василия III, а потом – Ф. М. Мстиславский. Однако прямых данных на этот счет нет, явно недостаточно и косвенных: ничего не известно о присяге каждому из князей как наследнику престола, да и непонятно, почему Василий не уничтожил завещание раньше, если он действительно сменил Петра на Мстиславского. Так что неизвестно, насколько гипотеза А. А. Зимина соответствует истине.

«Осадное сиденье. Троицкий мост и башня Кутафья». Художник А. М. Васнецов

Как бы то ни было, своя рубашка ближе к телу. За двадцать лет супружеской жизни Василию и Соломонии так и не удалось зачать ребенка. Не помогали ни поездки по монастырям, ни вклады в них «о чадородии». Это, разумеется, пугало не только государя, но и его супругу. А в 1523 г. Василий фактически поставил вопрос о разводе. Правда, согласно псковской летописи развестись с Соломонией и жениться вторично великому князю посоветовали бояре, однако сама постановка вопроса

подсказывала вполне определенный ответ. К тому же государь сетовал на то, что не может вверить страну братьям: «братьи ли дам, ино братья своих уделов не умеють устраивати». Христианский взгляд на жизнь предписывал вериться воле Божьей, а второй брак Василия при живой жене рассматривался как прелюбодейство – грех правителя, способный навлечь несчастья на всю Русскую землю. Тем не менее большая часть великокняжеского окружения прекрасно понимала: в тогдашней политической ситуации не поддержать намерений Василия означало бы выступить в поддержку его братьев с их великокняжескими амбициями и тем самым навлечь на себя гнев государя. Великому князю нужен был именно сын, а для этого необходим был развод. Вероятно, после этого, отчаявшись дождаться разрешения проблемы естественным путем, Соломония не остановилась перед крайним шагом – начала разыскивать бабок-ворожей и прибегать к их сомнительным услугам. Это лишь подлило масла в огонь. Кто знает, что за снадобье даст очередная бабка великой княгине, что́ она над ним наговорит? А вдруг это повредит здоровью самого великого князя, а то и лишит его жизни?

Сигизмунд Герберштейн в шубе, подаренной ему Василием III

К осени 1525 г. вопрос был решен. Состоялся «розыск о неплодстве», развод, после чего в ноябре 1525 г. Соломония Сабурова была пострижена в монахини под именем Софии. Если официальные источники сообщают, что она сама просила митрополита Даниила о разводе и пострижении, то Сигизмунд Герберштейн и будущий оппонент Ивана Грозного князь Андрей Курбский приводят совсем другую версию. Особенно яркую картину нарисовал Герберштейн, не жалевший негативных штрихов для создания образа Василия III. По словам австрийского дипломата, когда великая княгиня растоптала монашеский куколь, приближенный Василия Иван Шигона ударил ее плетью.

Возможно, так оно и было, поскольку после 1525 г. Шигона на время исчезает из придворной жизни. Новопостриженная София из московского Рождественского монастыря на Рву, давшего имя улице Рождественке, была отправлена в суздальский Покровский монастырь (возможно, какое-то время пробыла в Каргополе). Здесь она и прожила до своей смерти в 1542 г., застав, таким образом, и второй брак Василия III, и рождение у него наследников, и его смерть, и правление его второй жены, молодой и энергичной…

Но на этом история Соломонии-Софии не заканчивается. Вскоре после ее заточения в монастырь по Москве поползли слухи, что инокиня София родила ребенка, которого назвали Юрий. Эти слухи записал Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Москве как раз в 1526 г. Естественно, Василий III был в гневе, приказал провести специальное расследование, но оно окончилось ничем. А в 1934 г. в суздальском Покровском монастыре было найдено странное захоронение: в нем оказалась кукла, одетая в одежду мальчика трех – пяти лет, характерную для первой половины XVI в. Возможно, это была ложная гробница (кенотаф), призванная подтвердить слухи о смерти ребенка Соломонии, который на самом деле спасся. Впоследствии возникла легенда, что он не просто спасся, а стал разбойничьим атаманом Кудеяром. Как бы то ни было, этой тайны – был ли у Соломонии Сабуровой сын, и если был, то как сложилась его судьба, – мы никогда уже не узнаем.

Вспомним, что в аналогичной ситуации младший современник Василия III, английский король Генрих VIII, разорвал с католической церковью и специальным парламентским «Актом о супрематии» провозглашен главой церкви Англии. Произошло это в 1534 году, менее чем через десять лет после развода государя всея Руси…

Спустя всего два месяца после пострижения первой супруги, 21 января 1526 г., государь всея Руси Василий Иванович сыграл новую свадьбу. Его женой стала Елена Глинская – дочь Василия Львовича, брата князя Михаила. Братья выехали в Русское государство в 1508 г. Согласно выводам антропологов, исследовавших останки Елены Глинской, она родилась уже после этого, примерно в 1510–1512 гг., то есть к моменту брака ей было около пятнадцати лет. По тем временам это считалось вполне подходящим возрастом для невесты: девочки могли вступать в брак с двенадцати лет.

Почему выбор стареющего Василия пал именно на юную Елену? Уже современники начали искать рациональное объяснение, а продолжили это занятие профессиональные

историки. Так, Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Москве в 1526 г., утверждал, что Василий гордился родством с сербскими деспотами – предками Елены, а кроме того, иметь ребенка от нее было бы для него спокойнее: пока наследник возмужает, дяде Елены, знаменитому Михаилу Глинскому, удалось бы защитить его от притязаний братьев Василия. В действительности Михаил Глинский был выпущен из заточения лишь в 1527 г., уже после свадьбы Василия и Елены, под сложную многоступенчатую поруку знати. Как бы то ни было, Василий действительно хотел обзавестись наследником, и юная Елена Глинская подходила для этого как нельзя лучше. При этом она была достаточно родовитой: ведь Глинские выводили свой род от самого темника Мамая. Но вместе с тем нельзя не заметить, что государь всея Руси дал волю чувствам: стал брить бороду и волосы на голове, что вызвало возмущение его приближенных (слыханное ли дело – брить бороду, тем более если это делает сам «един правый государь»?!), а когда родился сын Иван, писал ей трогательные письма, интересуясь его здоровьем. Так холодный и даже циничный расчет переплелся с эмоциями человека, распоряжающегося жизнью и смертью многочисленных подданных, но на самом деле беззащитного перед Провидением.

Коломенский кремль

Новый брак Василия III принес желаемый результат спустя всего три с половиной года: 25 августа 1530 г. у великого князя

родился долгожданный наследник, в крещении нареченный Иваном, – будущий царь Иван IV Грозный. Правда, злые языки поговаривали, что ребенок не от Василия III, а от ее фаворита князя И. Ф. Овчины Телепнёва Оболенского. Проверить эти утверждения можно было бы, проведя генетическую экспертизу останков Василия III и Ивана IV. Но такая экспертиза пока не проводилась. Иногда подтверждение того, что Иван Грозный на самом деле не Рюрикович, видят в серии странных заболеваний, поразивших потомство Елены Глинской: Иван Грозный страдал паранойей, его младший брат Юрий, родившийся два года спустя, – неким умственным заболеванием (по словам А. М. Курбского, «был без ума и без памяти и безсловесен»), сын первого русского царя Иван – патологической жестокостью, другой сын Дмитрий – эпилепсией, еще один сын – Фёдор, возможно, также был не вполне здоров в психическом отношении. Всё это якобы оттого, что сыновья Елены Глинской рождались не от Василия III. Но эти заболевания можно с таким же успехом объяснить тем, что за несколько столетий династия Рюриковичей выродилась, физически исчерпала себя. Заболевания потомков Елены Глинской могли быть связаны с долгим отсутствием детей у Василия III. Наконец, благодаря усилиям антрополога М. М. Герасимова, разработавшего и успешно применявшего методику реконструкции облика исторических деятелей по их останкам, мы доподлинно знаем, как выглядел Иван Грозный. Его реконструкция фактически подтвердила, что царь выглядел именно так, как он изображен на знаменитой копенгагенской парсуне. Вытянутое лицо, высокий лоб, крючковатый орлиный нос… Последняя из этих черт была характерна не только для Ивана Грозного, но и для Василия III: об этом известно благодаря его изображению на иконе его святого покровителя Василия Великого, написанной спустя несколько лет или десятилетий после его смерти, наверняка – иконописцем, который видел государя. А он, в свою очередь, унаследовал характерную форму носа от своей матери, «грекыни» Софьи Палеолог… Впрочем, не исключено и другое: художник мог изобразить Василия III похожим на Ивана IV, который, потеряв отца трех лет от роду, наверняка не запомнил, как тот выглядел…

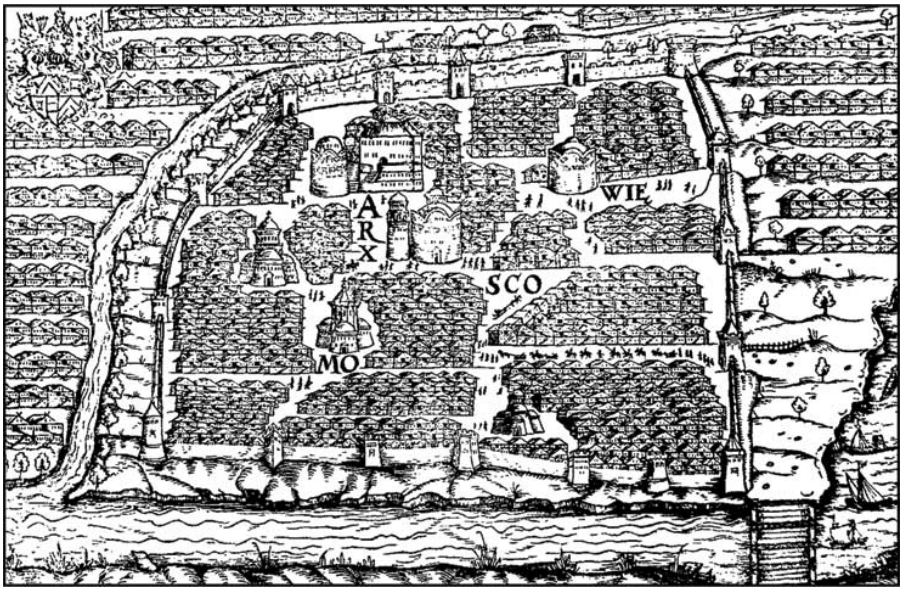
За рождением долгожданного наследника последовали мероприятия, призванные укрепить его положение. Пятьдесят лет – весьма почтенный возраст для XVI века. Чтобы воспитать преемника, поставить его на ноги, требовалось пятнадцать – двадцать лет, то есть Василию нужно было дожить хотя бы до шестидесяти пяти. Но в этом возрасте умер его отец Иван III, и кто знал, что могло постичь государя за ближайшие полтора – два

десятилетия… Понимая это, Василий принимал одну за другой присяги своих подданных, теперь уже на верность не только себе, но и наследнику Ивану. Одним из первых 5 февраля 1531 г. присягнул князь Ф. М. Мстиславский, чуть было не отъехавший в Литву. Одновременно был усилен надзор за князем Д. Ф. Бельским. 15 августа Василию Ивановичу, Елене Глинской и их сыну присягнули жители Новгорода, где, несмотря на «выводы» местной общественной верхушки конца XV века, сохранялось представление о достаточно высоком статусе в составе Русского государства (новгородским князем при Иване III был сам Василий, а новгородские наместники по старой традиции заключали договоры с правителями соседних государств). Спустя всего несколько дней Василий заключил докончание (договор) с братом Юрием, по которому последний отказывался от претензий на престол и присягал на верность не только старшему брату, но и его сыну. Вероятно, тогда же аналогичное докончание было заключено и с другим братом Василия – Андреем. Наконец, в 1532 г. присягнул на верность Василию и обязался доносить на любую угрозу ему (в частности, отравления) М. А. Плещеев – видный представитель старомосковского боярства.

Борьба идей

Эпоха Василия III стала временем чрезвычайно активной идейной жизни. И она не была совокупностью отвлеченных споров: в этих спорах рождалась идеология великокняжеской власти, представления о ее взаимоотношениях с внешним миром, с обществом, с церковью. Фактически решалось, какой быть царской власти на Руси.

В начале XVI в. в Русской церкви соперничали два идейных течения – нестяжатели и иосифляне. Первых называли еще заволжскими старцами. Их лидером до 1508 г. был Нил Сорский. Идеи нестяжателей основывались на исихазме – учении византийского богослова XIV в. Григория Синаита. Григорий и его последователи считали, что свет, который узрели апостолы на горе Фавор во время Преображения Господня, существует вечно. Чтобы его узреть, необходимо вести праведную жизнь, сосредоточив свой ум на постоянной внутренней молитве и мистическом созерцании. Для этого необходим аскетический образ жизни, полный отказ от земных забот и помыслов, от личного имущества монахов и от имущества монастырей – обширных земель, которыми они владели. На естественный вопрос о том, каким образом в таком случае будет происходить материальное обеспечение Церкви, нестяжатели отвечали, что для этого достаточно монашеского «рукоделия»: раз оно может прокормить отдельных монахов, то будет в состоянии прокормить и их общины – монастыри.



План Московского Кремля. Гравюра из «Записок о Московии» С. Герберштейна. XVI в.

Нестяжателям оппонировали иосифляне, названные так по имени своего лидера Иосифа Волоцкого (в миру – Иван Санин; 1439–1515). Историки очень по-разному оценивают его деятельность. Не вызывает сомнений, что это был талантливый и энергичный деятель, прекрасный знаток Священного Писания и творений отцов церкви, мыслитель и писатель, полемист, умевший настаивать на своем и добиваться своего. Ученик св. Пафнутия Боровского, бывший некоторое время после его смерти настоятелем основанного им монастыря Рождества Богородицы, Иосиф в 1479 г. основал монастырь близ владений своего отца, в Волоцком удельном княжестве. Монастырь стал быстро расти и богатеть. Прославился Иосиф и как публицист. В основе его взглядов лежало представление о воинствующей церкви, которая активно участвует в земной жизни – в частности, борется с ересями. Этой теме он еще в конце XV в. посвятил ряд произведений, в которых настаивал на решительной борьбе с еретиками: непокаявшихся еретиков следовало казнить, а покаявшихся – держать в тюрьме. Это было связано с тем, что в Москве благодаря покровительству Ивана III получила распространение (в том числе в высших церковных кругах) так называемая ересь жидовствующих, пришедшая туда из покоренного Новгорода. Еретикам приписывали отрицание основ православного вероучения и тайный переход в иудаизм. Из-за противоречивых свидетельств источников сложно сказать, что в действительности стояло за этими обвинениями. Как бы то ни

было, наметилась одна из линий полемики между иосифлянами и нестяжателями, поскольку последние, хотя и не отрицали необходимость борьбы с еретиками, призывали осуществлять ее более мягкими методами, проявляя снисхождение к раскаявшимся.

Еще одним вопросом, по которому расходились позиции иосифлян и нестяжателей, было отношение к монастырскому землевладению. Если Нил Сорский и его последователи считали, что монахам следует отказаться от владения землями в пользу «рукоделия», то Иосиф и его единомышленники настаивали на том, что владение селами не отвлекает монахов от духовных забот, а наоборот, создает предпосылки для этого: ведь иначе им пришлось бы всё время заботиться о хлебе насущном и не осталось бы времени для совершения богослужений и молитв.

В ситуации соперничества двух идейных течений великий князь оказывался в сложном положении. С одной стороны, ему импонировала идея секуляризации церковных земель: это позволило бы наделить ими служилых людей и не дало бы чрезмерно усилиться церкви. С другой стороны, идеологами сильной великокняжеской власти были иосифляне, а они-то как раз выступали за сохранение церковных богатств… Поначалу великий князь, судя по всему, склонялся к секуляризации монастырских земель и обеспечении монастырей из великокняжеской казны при помощи руги (регулярных выплат), но тут его поразил инсульт, который он счел знаком свыше. Иван III склонился на сторону иосифлян. А в следующем, 1504 г. некоторые жидовствующие были осуждены на смерть в соответствии с предписаниями Иосифа Волоцкого.

Покровский монастырь в Суздале

В самом начале правления Василия III разгорелся конфликт между Иосифом и волоцким удельным князем Фёдором

Борисовичем – двоюродным братом Василия, во владениях которого находился Иосифов монастырь. В своем княжестве Фёдор Борисович промышлял постоянными безжалостными поборами с состоятельных жителей – как под видом «займов», так и в виде неприкрытого террора. Эти поборы ударяли не только по состоятельным горожанам и крестьянам, но и по церкви, в том числе по такому богатому монастырю, как Иосифов. Когда игумен вознамерился из-за этого покинуть монастырь, то братия его не отпустила. Тогда он обратился к Василию III с просьбой принять монастырь под его покровительство. Это означало, что отныне великий князь всея Руси может назначать игуменов монастыря: в церковном отношении тот по-прежнему подчинялся новгородскому архиепископу, в финансовом – сохранялись выплаты в пользу волоцкого князя. При этом к новгородскому архиепископу Серапиону Иосиф не обратился, то ли не надеясь на его практическую помощь (новгородский архиепископ, как и братия монастыря, советовал игумену перейти на другое место), то ли испытывая неприязнь к своему идейному оппоненту-нестяжателю. В результате тот, прождав два года и так и не дождавшись обращения от Иосифа, отлучил его от церкви, заявив, что тот «отступил от небеснаго, а пришел к земному» (царю). Поначалу Иосиф растерялся, но вскоре обратился к Василию III и митрополиту Симону, представляя дело таким образом, будто Серапиона возмутил сам факт перехода в «великое государство», а не то, что этот переход совершился без ведома и благословения архиепископа. За Иосифа хлопотал его брат архиепископ ростовский Вассиан Санин, игумен Андроникова монастыря Симеон и боярин Василий Андреевич Челяднин. Реакция церковных и светских властей не заставила себя ждать: в Москве состоялись два собора, на которых с Иосифа было снято отлучение, а Серапион осужден и сведен с новгородской кафедры. Припомнили ему и его слова о двух царях, но уже в том смысле, будто Фёдора Волоцкого он назвал небесным царем, а Василия III – земным. После этого новгородская кафедра оставалась «вдовствующей» (незанятой) вплоть до 1526 г., в результате чего ее влияние, восходившее к временам новгородской независимости, ослабло. Хотя новый владыка Макарий и получил архиепископскую казну, вывезенную из Новгорода еще в 1478 г., его права в Новгороде и Пскове были ограничены.

История взаимоотношений Иосифа Волоцкого, архиепископа Серапиона и князя Фёдора Борисовича получила продолжение. В начале второго десятилетия XVI в. при великокняжеском дворе усилилось влияние нестяжателей. Митрополит Симон, умерший в 1511 г., перед самой смертью по приказу Василия III примирился

с Серапионом, участь последнего была смягчена, а новым митрополитом стал нестяжатель Варлаам. Выросло влияние Вассиана Патрикеева – одного из лидеров нестяжателей: Василий III приблизил его к себе и запретил Иосифу Волоцкому спорить с ним, тогда как Вассиан, по-видимому, продолжал публицистическую деятельность, настаивая на необходимости «нищеты» монахов, невозможной в условиях владения селами. Между тем Иосиф Волоцкий до конца своих дней (он умер в 1515 г.) отказывался примириться с Серапионом, что вызывало осуждение не только в кругах его идейных противников, но и среди его соратников. Ситуация же с Фёдором Борисовичем разрешилась сама собой с его смертью в 1513 г., когда Волоколамский удел перешел в распоряжение Василия III.

Елена Глинская. Реконструкция облика по черепу

В этих обстоятельствах Иосиф Волоцкий вновь взялся за перо. На этот раз предметом его внимания стали взаимоотношения между церковью и государством, а также характер царской власти. Если раньше Иосиф писал, что царь является Божьим

слугой, то теперь подчеркивал: «Царь… естеством подобен есть всем человеком, властию же подобен есть вышнему Богу». Главная обязанность царя – заботиться о спасении и благочестии своих подданных. Отсюда вытекала обязанность царской власти всеми мерами бороться с еретиками, о которой Иосиф писал и ранее. На этот раз он призывает различать «больших» и «меньших» царей – вторые должны во всем повиноваться первым (здесь, конечно, отразилась ситуация с князем Фёдором Волоцким). Вместе с тем повиноваться следует лишь «истинному» царю, который благочестив и не пренебрегает своими обязанностями: в этой связи Иосиф указывал на борьбу константинопольских патриархов VIII–IX вв. с византийскими императорами-иконоборцами. При этом повиноваться царю следует лишь «телесно» и в вопросах власти над церковными учреждениями, тогда как решение духовных вопросов остается прерогативой церкви. Таким образом, ей согласно учению Иосифа и надлежало в конечном счете определять, какой царь благочестив, а какой – еретик.

Венчание Василия III и Елены Глинской. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Третий Рим и потомки Августа

Общественная мысль периода правления Василия III не сводилась к полемике иосифлян и нестяжателей. Именно в это время возникла идея Третьего Рима. Впервые ее сформулировал старец псковского Елеазарова монастыря Филофей в послании государеву дьяку Мисюрю Мунехину в 1523–1524 гг. Какой же смысл вкладывал Филофей в понятие Третьего Рима и зачем ему понадобилось писать об этом великокняжескому дьяку?

Сразу же необходимо отметить, что идея Третьего Рима претерпела существенное развитие под пером публицистов XVI–XVII вв., а затем ученых и публицистов XIX–XX вв. И направление этого развития вовсе не было задано его исходным моментом – Филофеевым посланием. В наши дни часто пишут об изначально политическом содержании теории «Москва – Третий Рим», однако это существенно обедняет первоначальную мысль псковского старца.

Покровская (ранее Троицкая) церковь в Александровой Слободе

Послание Филофея было ответом на сочинение придворного врача Василия III Николая Булева (Николая Немчина, как его называли на Руси), который, в свою очередь, познакомил русского читателя с содержанием трактатов западноевропейских

астрологов о грядущих катаклизмах – солнечном и лунном затмениях и всемирном потопе. Астрологи прогнозировали наступление этих бедствий в 1524 г. Это породило (или подхлестнуло) эсхатологические ожидания во всей Европе: ведь в самом разгаре была Реформация, и, казалось, всё сходится и указывает на скорый конец света. С этим увязывались и постоянно реанимировавшиеся проекты антитурецкой коалиции. На Руси же такие ожидания были связаны с наступлением «восьмой тысячи лет»: предполагалось, что конец света наступит в 7000 году от Сотворения мира, т. е. в 1492-м от Рождества Христова. Хотя эти опасения не оправдались, они продолжали жить в русском обществе. Подогревало их широкое распространение альманаха Николая Булева: он продавался в крупнейших русских городах, к тому же автор разослал его светским и церковным правителям.

На эти-то измышления и предстояло дать ответ Филофею. Он решительно отверг измышления астрологов: в основе всего происходящего – не движение звезд, а Промысл Божий. А что же тогда ждет Русь? Спасение. Залогом же спасения является Ромейское царство. Под ним понималось не какая-то конкретная страна или государство, а мистическая сущность, которая возникла с воплощением Христа и будет существовать вечно. Она воплощалась в разных земных царствах. Сначала – в Римском, но римляне отпали от истинного христианства (имеется в виду раскол православной и католической церквей 1054 г.), и Ромейским царством стало Греческое царство – Византия. Однако она также отошла от правой веры, заключив церковную унию с латинянами на Флорентийском соборе 1439 г. Прямым следствием этого стало падение Греческого царства – завоевание Византии османами в 1453 г. И Ромейское царство переместилось в Русское государство. После падения Византии оно осталось единственным независимым православным государством (все остальные были уже завоеваны турками), и его сохранение служило залогом сохранения истинной веры и в конечном счете спасения человечества. Тем самым утверждалась преемственность Русской церкви от эпохи Вселенских соборов. Следует напомнить, что провозглашение ее автокефалии в 1448 г. означало разрыв с Константинополем, что ставило ее в двусмысленное положение. Таким образом, в момент своего возникновения идея Третьего Рима не несла в себе ни мессианства, ни программы территориальной экспансии. Она была достоянием немногих интеллектуалов, и занимали их отнюдь не эти вопросы, но ожидание конца света и проблема спасения души. Вместе с тем концепция Филофея была направлена на решение тех же задач,

что и другие публицистические произведения того времени, – на осмысление места России в мире. И при этом русские мыслители старались разными способами вписать Россию в картину всемирной истории, апеллировали к общеевропейским и общехристианским истокам.

Та же задача осмысления места России в мире стояла перед авторами произведений, объединенных общим сюжетом происхождения русских князей от императора Августа и получения ими даров от византийского императора Константина Мономаха – «Послания» Спиридона-Саввы и «Сказания о князьях Владимирских». Судьба автора первого из них была непростой и интересной. Родом из Твери, Спиридон-Савва в 1475 г. по настоянию православной знати Великого княжества Литовского, но вопреки воле его правителя Казимира Ягеллона был поставлен константинопольским патриархом во митрополита Киевского и всея Руси. Несмотря на пышный титул, в то время он означал церковную власть лишь над частью русских земель – а именно над той, что входила в состав Великого княжества Литовского и Польского королевства (разделение единой митрополии на киевскую и московскую состоялось в 1458 г.). За самовольную акцию Спиридон-Савва попал в заточение в Литве, но каким-то образом оказался в Русском государстве, также в заточении. Здесь он в конце 10-х или начале 20-х гг. XVI в., уже глубоким старцем, написал свое послание – ответ на обращение некоего лица, близкого к Василию III. От придворных кругов он получил материалы, необходимые, чтобы дать обоснование власти государя всея Руси в выгодном для него свете.

Начинается «Послание» Спиридона-Саввы с рассказа о последствиях Всемирного потопа, после которого часть потомков Ноя переселилась в Египет. Там же зародилась царская власть, и со временем египетские цари стали править всей Вселенной. Впоследствии это право переходило к тем, на кого возлагались их инсигнии (знаки царской власти), – Александру Македонскому, царям из династии Птолемеев, наконец, римскому императору Августу. Тот распределил земли между своими родственниками, и Прусу досталась земля, названная по его имени Пруссией. От Пруса и произошел Рюрик и его потомки – русские князья. В XII веке византийский император Константин Мономах прислал своему внуку Владимиру упомянутые инсигнии, благодаря чему русские государи получили полную самостоятельность.

Путевой дворец Василия III на Старой Басманной улице в Москве

Метод работы Спиридона-Саввы над «Посланием» характерен для средневековой литературы: существующее положение дел объяснялось через их происхождение, а для этого русская история подходящим образом вписывалась в сюжеты всемирной. Ной, Александр Македонский и Август были персонажами, с именами которых связывались общеевропейские истоки, понятные и на Западе, и на Востоке Европы. В «Послании» нашли отражение и события времени его создания. Так, появление Пруса под пером Спиридона-Саввы в качестве предка русских государей было связано с переговорами Василия III с Альбрехтом Бранденбургским о союзе с Тевтонским орденом. Последний стремился вернуть себе земли, утраченные в результате Тринадцатилетней войны с Польшей 1454–1466 гг., – восточную, так называемую Королевскую Пруссию. Перечень городов, полученных Прусом, совпадает с их перечнем в русско-орденском договоре. Не случайно и появление римской темы. В начале XVI в. в общественной мысли Великого княжества Литовского получила развитие теория происхождения литовской знати от римлян, которая была известна уже «отцу польской истории» Яну Длугошу во второй половине XV в. Во втором летописном своде Великого княжества Литовского, созданном в конце 10-х или начале 20-х гг. XVI в., приводился рассказ о римской знати, бежавшей от тиранического правления императора Нерона на Балтийское

море. От имени ее родины Италии получила свое название Литва («Литалия»), а сами вельможи стали основоположниками знатных литовских родов, в том числе и правящей династии Гедиминовичей. Автору «Послания» необходимо было показать, что Рюриковичи ничуть не уступают Гедиминовичам по происхождению, но превосходят их. Вместе с легендой о происхождении Рюрика от Августа была изложена другая версия родословия литовских князей: они, по словам автора «Послания», вели род от слуг полоцких князей. Возможно, и здесь не обошлось без «прусского следа», поскольку именно в Тевтонском ордене еще в начале XV в. была создана теория подобного содержания. Наконец, царские инсигнии – это те самые инсигнии, которые хранились в казне московских князей: они без труда обнаруживаются в их завещаниях XV в.

Дело Максима Грека

Максим Грек был чрезвычайно яркой фигурой в духовной жизни Руси первой трети XVI века. Он родился в аристократической семье Триволисов в Италии в 1470 г. и получил имя Михаил. В начале 90-х гг. он обучался в Италии у византийского гуманиста Иоанна Ласкариса и неоплатоника Марсилио Фичино, увлекался античной философией, астрологией. Спустя десять лет Михаил попал под влияние знаменитого флорентийского проповедника Савонаролы и отправился в монастырь св. Марка во Флоренции, но вскоре ушел оттуда, и в 1504-м или 1505 г. мы видим Михаила Триволиса уже в одном из афонских монастырей под именем Максима.

Максим Грек. Миниатюра конца XVI в.

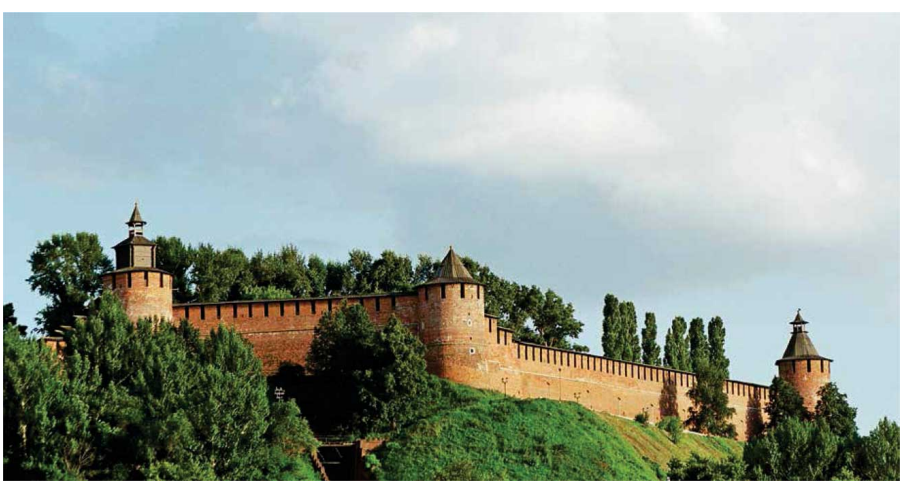
На Русь Максим Грек прибыл в 1518 г.: это был ответ на просьбу Василия III прислать к нему переводчиков церковных книг с греческого. Но после осуществленного им перевода Толковой Псалтыри обратно его не отпустили, и Максиму пришлось остаться в Чудовом монастыре, где вокруг афонского интеллектуала сложился настоящий кружок.

Внимание Василия III Максим Грек и его единомышленники привлекли в 1524 г., когда встал вопрос о перспективах государева развода и второго брака. С церковной точки зрения эти действия были неканоничными, что и вызывало осуждение Максима Грека: ведь, как уже говорилось, грех государя (тем более столь тяжкий, как прелюбодейство!) мог навлечь беды и на всю его страну. Василий и его советники прекрасно понимали,

что с церковной точки зрения прав именно Максим Грек. Впрочем, даже если бы была предпринята попытка «переспорить» его, то она была бы не на руку Василию, поскольку привлекала бы внимание общества к проблеме и способна была открыть ящик Пандоры. Тем более что вокруг Максима Грека собрались вельможи, близкие к удельным князьям Юрию Дмитровскому и Дмитрию Углицкому, у которых, вероятно, были свои виды на престол (во всяком случае этого опасался Василий III). Таким образом, выступление против брачных дел великого князя фактически было на руку амбициям князей удельных. Требовалось найти какие-то иные предлоги для осуждения ученого монаха. И такие предлоги нашлись.

Первоначально Максим Грек был арестован как свидетель по делу своего единомышленника Берсеня Беклемишева. Святогорец решил, что так оно и есть, и постарался всячески откреститься от Берсеня, побольше наговорив на него. Но неблаговидный поступок не только сгубил Берсеня (он вскоре был казнен), но и не облегчил участи самого Максима.

«Расспросные речи» Максима Грека сохранились и представляют интерес не только по той причине, что проливают свет на судьбу греческого интеллектуала на Руси и его местных единомышленников в первой трети XVI в. В них слышатся живые голоса людей этого времени (ведь Максим Грек передавал слова Берсеня Беклемишева), которые позволяют понять, каким образом современники относились к Василию III, пусть даже речь идет не о всем русском обществе (срез его настроений для этого времени вряд ли возможен), но об определенной его части. Поэтому на этих материалах стоит остановиться подробнее.



Нижегородский кремль

Первым вопросом, затронутым в связи с Берсенем Беклемишевым, были русско-турецкие отношения. По словам Максима, Берсень осуждал Василия за его пассивную политику по отношению к Османской империи и при этом критиковал за активность на других направлениях. Взятие Смоленска и постройка Васильсурска, по его словам, лишь усиливают ненужную напряженность в отношениях с Казанью и Вильной; воевать же нужно не с ними, а с Османской империей. Раз государь всея Руси в 1521 г. «выдал землю крымскому царю, а сам, изробев, побежал», значит, «побежит» и от турецкого султана. Тот же не преминет напасть на Русь, поскольку Василий – сын Софьи Палеолог, а с византийскими императорами у султанов давние счеты… Таким образом, выходило, что Берсень выступал объективным союзником императора и папы, которые пытались втянуть Василия в турецкую авантюру. Сам же Максим Грек в ответ на вопрос Берсеня якобы заявлял, что грекам под властью султана живется не так уж плохо, ибо тот, хотя и иноверец, «не вступается» в церковные дела. Сама собой напрашивалась параллель с русскими порядками: Василию III никак нельзя было приписать невмешательства в церковные дела, и выходило, что государь единственного православного государства хуже иноверного правителя…

От отношений с Турцией Берсень Беклемишев (во всяком случае в изложении Максима Грека) переходил к другой теме – вступал на скользкий путь рассуждений о положении дел в стране. По его словам, всё испортилось, когда на Русь пришли греки. Такого выпада против своей матери Софьи Палеолог Василий точно не мог вынести. Доставалось и самому Василию III: он, по словам Берсеня (опять-таки в пересказе монаха-святогорца), упрям, гневлив, не терпит, когда ему прекословят, и подвергает таких людей опале. Не то – его отец, любивший, когда высказывали мнение, отличное от его собственного. Василий же привык вершить дела в узком кругу советников, «сам-третей у постели».

В итоге, как уже говорилось, Берсеню Беклемишеву отрубили голову. Но и Максиму Греку не удалось выйти сухим из воды: как выяснилось, он выступал за поставление русских митрополитов не в Москве, как это практиковалось с 1448 г., а в Константинополе. Василия же сравнивал с римскими императорами – гонителями христиан. Вдобавок он был обвинен в ереси – проповеди учения «о сидении Христа одесную Отца». Максим всё отрицал, но оба суда над ним – светский и церковный – закончились его осуждением. Он был отправлен в Иосифо-Волоколамский монастырь, под присмотр своих злейших врагов

иосифлян, и отлучен от причастия – страшное наказание для христианина! К этому добавился запрет писать, встречаться и беседовать с кем бы то ни было. Читать разрешалось лишь книги, отобранные митрополитом Даниилом.

На этом, однако, дело Максима Грека не кончилось. Вскоре в Москве умрет султанский посланец Скиндер, и при обыске государевы люди найдут в его бумагах некие грамоты Максима Грека турецкому султану. Неизвестно, зачем афонскому монаху, волею судеб оказавшемуся на Руси, понадобилось обращаться к правителю-иноверцу. В 1946 г., когда в СССР повсюду выискивали шпионов и изменников, советский историк И. И. Смирнов выступил с версией, будто Максим Грек был агентом турецкого султана… Из источников это, однако, не следует, и историки решительно отвергли этот домысел. Как бы то ни было, в 1531 г. Максим Грек был извлечен из Иосифо-Волоколамского монастыря и вместе с лидером нестяжателей Вассианом Патрикеевым предан новому суду. На этот раз вновь всплыли слова Максима о неприязни турецкого султана к Василию III – родственнику последнего византийского императора, о неканоничности поставления митрополитов в Москве. Также Максима обвиняли в том, что он порицал тройное крестное знамение, совершаемое архиереем во время литургии двумя свечами. Добавилось и обвинение в порче (неправильном переводе) священных книг, в нарушении запрета читать и писать, в колдовстве против Василия III… Максим был сослан в Тверской Отроч монастырь. Покинуть его монаху-святогорцу удалось лишь незадолго до смерти, наступившей в 1555-м или 1556 г.

Болезнь и смерть

Последний год правления Василия III был очень насыщенным. Переговоры с Казанью, приобретавшие благоприятный оборот, очередной набег крымчаков, женитьба младшего брата Андрея, разъезды по стране, присяги подданных… В сентябре 1533 г. Василий и Елена Глинская с обоими сыновьями отправились на богомолье в Троицкий монастырь, чтобы почтить память Сергия Радонежского, отмечаемую 25 сентября (по новому стилю – 8 октября). После этого великий князь поехал поохотиться на Волок. Во время этой поездки на внутренней стороне левого бедра выскочила небольшая болячка. О том, как протекала болезнь, мы в мельчайших подробностях знаем из современных источников. Спустя почти четыре столетия после смерти Василия III историк А. Е. Пресняков и врач А. С. Соловьёв проанализируют их сообщения и сумеют поставить великому князю диагноз: периостит – воспаление надкостницы. Спасти Василия могло лишь хирургическое вмешательство. Но медики первой половины XVI века оказались бессильны: похоже, что их старания лишь усугубили болезнь. Да и сам Василий, вместо того чтобы соблюдать покой, разъезжал из села в село, предаваясь охоте и развлечениям, – таким образом, похоже, пытаясь отвлечься от боли. Когда в начале октября государь решил отправиться в волоколамское село Колпь на охоту, его пришлось нести на носилках пешком, а по прибытии туда его состояние ухудшилось: опухоль стала гноиться, пропал аппетит. Василий тайком послал в Москву за завещаниями деда Василия II, отца Ивана III и своим собственным, составленным двумя десятилетиями ранее (оно вскоре было уничтожено). 26 октября государь совещался с приближенными по поводу нового завещания. Тем временем на Волок специально приехал князь Юрий Иванович, но Василий его к себе не пустил и отослал прочь. Зато несколько дней спустя принял другого брата – Андрея, недавно женившегося. Наконец было решено отправиться в близлежащий Иосифо-Волоколамский монастырь, чтобы помолиться о выздоровлении государя. После молебна Василия втайне от иностранцев привезли в Москву. 23 ноября он вновь совещался с придворными. Было составлено завещание. Не вызывает сомнений, что престол был завещан малолетнему Ивану Васильевичу. Его младший брат Юрий получил в удел Углич, а Андрей – Волоколамск в «прибавку». Но текст завещания Василия III не сохранился, и о его содержании историки гадают. Главный вопрос, вокруг которого крутятся

ученые дискуссии, – был ли учрежден регентский совет при малолетнем Иване Васильевиче, и если да, то кто в него входил? По-видимому, опеку над своей семьей Василий III поручил наиболее доверенным лицам – князю Михаилу Глинскому, боярину М. Ю. Захарьину и уже упоминавшемуся И. Ю. Шигоне Поджогину.

Приняв монашеский постриг под именем Варлаам, «един правый государь всея Руси» Василий Иванович в ночь на 4 декабря 1533 года скончался. Он был похоронен в Архангельском соборе – родовой усыпальнице потомков Ивана Калиты.

Наследие

Когда мы оглядываемся на годы правления Василия III, поневоле приходится задаться двумя вопросами: о значении его правления для исторического пути страны и об оценке его личности, о методах, которыми он действовал. Если исходить из последнего, то картина довольно неприглядная. От помазанника Божия Дмитрия Внука избавился, братьям жениться не разрешал, клятву по отношению к Василию Ивановичу Шемячичу нарушил, с женой развелся и отправил ее в монастырь… Как тут ни вспомнить весьма неприглядные характеристики Сигизмунда Герберштейна?

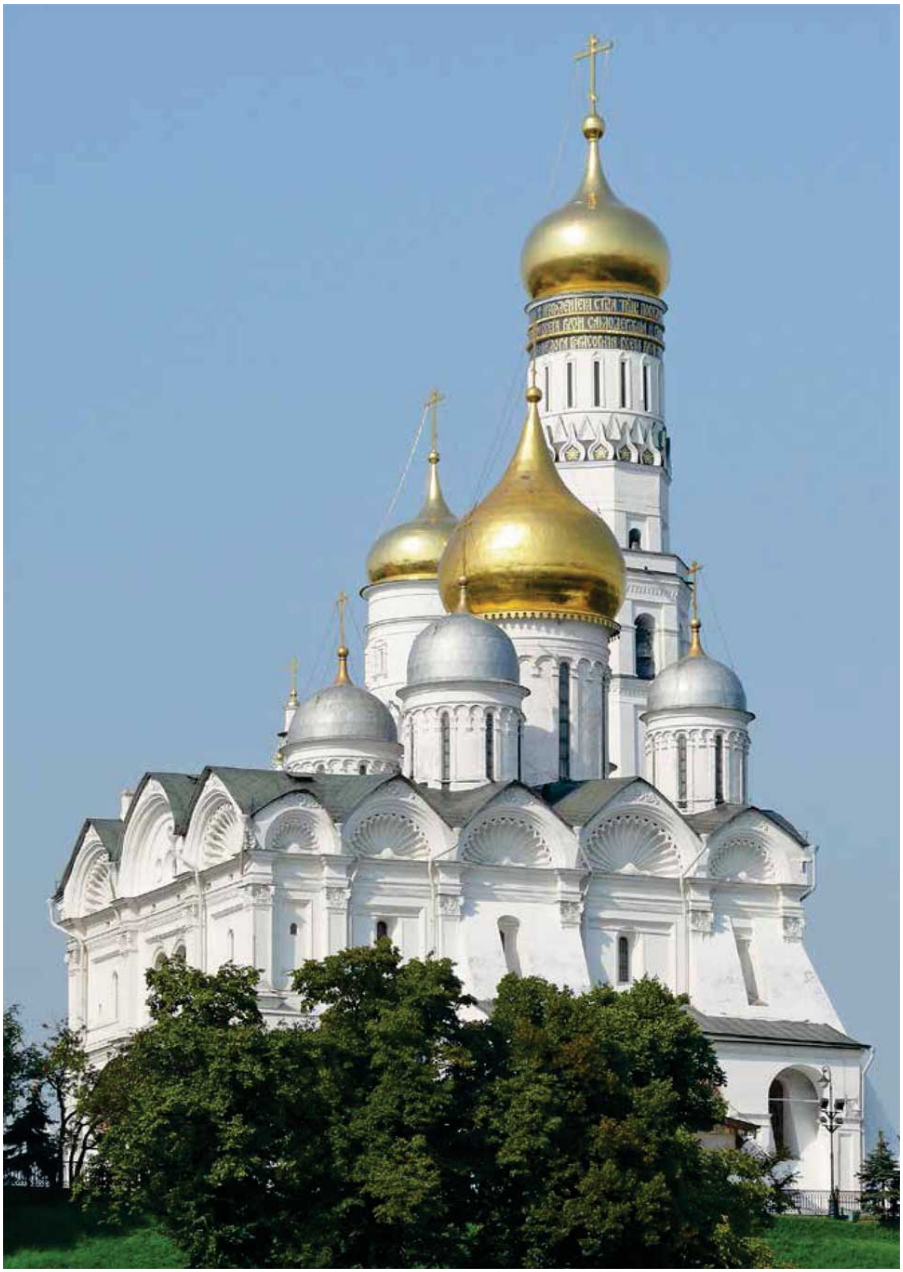
Однако жестокость, с которой Василий III отстаивал свои династические интересы, – это особенность всех монархических государств. В этом смысле его можно понять, а его действиям нельзя отказать в рациональной основе (чего не скажешь о его сыне Иване Грозном, который оказался у власти в результате всех этих действий отца). История монарха – это и история страны, которой он правил. И этот критерий является важнейшим для оценки его свершений. Что же оставил после себя Василий III?

Нередко утверждается, что его правление было тихим и незаметным, а основное его содержание состояло во внутреннем переустройстве страны, преобразившейся при Иване III: ведь огромной страной, простирающейся до Северного Ледовитого океана и Уральских гор, невозможно управлять так же, как Московским княжеством. Отчасти это справедливо, но нельзя сбрасывать со счетов и внешнеполитических достижений эпохи Василия III. Пусть псковичи давно именовали великого князя Московского своим «царем», а в Рязанском княжестве сидел государев наместник, – всё же решающий шаг был сделан при Василии III. Большой удачей было присоединение и удержание за Русским государством Смоленска. Все три региона – Псковщина, Смоленщина, Рязанщина – имели для России стратегическое значение на северо-западном, западном и южном направлениях. Ведь совсем недавно, в 1501–1503 гг., прошла война с ливонским отделением Тевтонского ордена, продолжалась торговля с Ганзой, не прекращалась напряженность в отношениях с Великим княжеством Литовским и Крымским ханством. Быть может, присоединения новых земель были не столь эффектными, как при Иване III. Но, как писал поэт Николай Глазков, «чем столетье интересней для историка, тем для современника печальней». Войны Русского государства с соседями при Василии III не прекращались, но его время было еще относительно спокойным,

если сравнивать его с правлением Ивана Грозного. Не было внутренних потрясений, подобных опричнине. И оборотная сторона этого спокойствия, весьма важная и ценная в любую эпоху, – рост благосостояния подданных русского государя. Значительных успехов удалось добиться и в отношениях с другими иностранными державами: были установлены контакты с Тевтонским орденом, русские послы побывали в Англии, Испании, была предпринята попытка связаться с королем Франции, созданы предпосылки для окончательного включения Казанского ханства в состав Русского государства, которое состоится при сыне Василия – Иване IV в 1552 году.

Об успехах поступательного развития страны при Василии III (в чем, несомненно, есть и доля его заслуги) свидетельствует строительство, развернувшееся в разных ее частях в эти годы. Правда, во многом оно инспирировалось самой великокняжеской властью. Строительные работы охватили всю территорию страны, начиная от Москвы и оканчивая отдаленными городами и монастырями. Так, было завершено сооружение укреплений Московского Кремля. Об этом до сих пор напоминает Троицкий мост через р. Неглинную, соединяющий Кутафью башню с Троицкой (первоначально мост назывался Ризоположенским по тогдашнему имени башни). Он был возведен по проекту итальянского архитектора Алевиза Фрязина в 1515–1516 гг. В 1508 г. по проекту другого итальянского мастера Алевиза Нового был достроен Архангельский собор, заложенный еще в последние месяцы правления Ивана III. В 1519 г. был построен собор кремлевского Вознесенского монастыря, служивший усыпальницей московских великих княгинь (впоследствии он неоднократно перестраивался и был окончательно уничтожен в 1929 г.). В 1513–1515 гг. был расписан Успенский собор (эта роспись не дошла до нашего времени, но набор ее сюжетов воспроизведен на сохранившихся фресках 1643 г.), а чуть позже – собор Михаила Архангела в Чудовом монастыре. Чрезвычайно масштабное церковное строительство под руководством итальянских мастеров развернулось и на московском посаде. В 1514–1516 гг. всё тем же Алевизом Фрязиным была построена церковь Св. Владимира «в Садах» (в Старых Садах), сохранившаяся до наших дней. Считается, что строительство было приурочено к 500-летию преставления святого равноапостольного князя Владимира, крестителя Руси и предка Василия III. На Варварке Алевиз Новый возвел храм св. Варвары Великомученицы (это здание просуществовало до конца XVIII в., когда на этом месте была построена новая церковь). Под Москвой по обету Василия III в благодарность за взятие Смоленска был

построен Новодевичий монастырь, ныне находящийся в черте города. До наших дней сохранилась, – правда, в сильно перестроенном виде, – и уникальная светская постройка, располагавшаяся в начале XVI в. недалеко от Москвы, а ныне входящая в черту города, – путевой дворец Василия III на Старой Басманной улице. В нем он останавливался, когда выезжал из столицы и въезжал в нее. При Василии III фактически возникла еще одна загородная государева резиденция – Александрова Слобода, в будущем зловещая «опричная столица» Ивана Грозного.



Архангельский собор Московского Кремля

Строительство развернулось, разумеется, не только в Москве, но и в других городах и монастырях (Покровском Суздальском, Кирилло-Белозерском и др.). В тех городах, что имели стратегическое значение, развернулось крепостное строительство. Во Пскове оно было связано с событиями Смоленской войны 1512–1522 гг., в Нижнем Новгороде, Туле, Коломне и Зарайске,

где были построены каменные кремли, – с противостоянием Казани и Крыму. С той же целью при Василии III было начато создание засечных черт по Оке – линий укреплений из поваленных деревьев, маленьких крепостец и больших крепостей.

Впрочем, дело не сводилось исключительно к государеву строительству. Так, в 1515–1516 гг., по сообщению новгородского летописца, «гости московские и купцы новгородцкия и старасты» построили в Новгороде многочисленные каменные церкви, отремонтировали и обновили старые. Церкви также строили или присматривали за их строительством крупные купцы Сырковы и Таракановы – проводники великокняжеской политики в Новгороде.

Важное явление жизни Руси первой трети XVI в. – активная монастырская колонизация Русского Севера, который с легкой руки православного писателя А. Н. Муравьёва иногда называют «русской Фиваидой», по аналогии с носящей такое название областью Верхнего Египта, где располагалось множество монастырей. Их основывали выходцы из самых разных социальных слоев, искавших уединения для общения с Богом. Так, Александр Свирский, основавший два монастыря на р. Свири, происходил из мелких землевладельцев, а Нил Столбенский, положивший начало двум пустошам, – из крестьян (оба впоследствии были канонизированы). Вокруг таких отшельников образовывались монашеские общины, они начинали хозяйственное освоение нетронутых людьми земель, впоследствии их обители подчиняли крестьян – новопришельцев или черносошных, т. е. государственных (чему само государство не противилось, а шло навстречу, выдавая льготные грамоты). Подчинение монастырям вовсе не обязательно проходило безболезненно: так, св. Антоний Сийский в 1543 г. жаловался на крестьян, которые сожгли в его монастыре четыре церкви. Однако монастырская колонизация Русского Севера не идет ни в какое сравнение с освоением европейцами заморских земель, куда они в те же самые годы устремлялись в поисках быстрой наживы и где не останавливались перед истреблением аборигенов. Впрочем, монастыри основывались не только отдельными подвижниками, но и по инициативе церковных властей. Так, несколько монастырей на Кольском полуострове было основано благодаря усилиям новгородского архиепископа Макария (будущего митрополита Московского и всея Руси), развернувшего активную миссионерскую деятельность среди лопарей. Настоящим центром монастырской колонизации Вологодского края стал богатый и влиятельный Кирилло-Белозерский монастырь.

Монастыри возникали во владениях как великого князя, так и

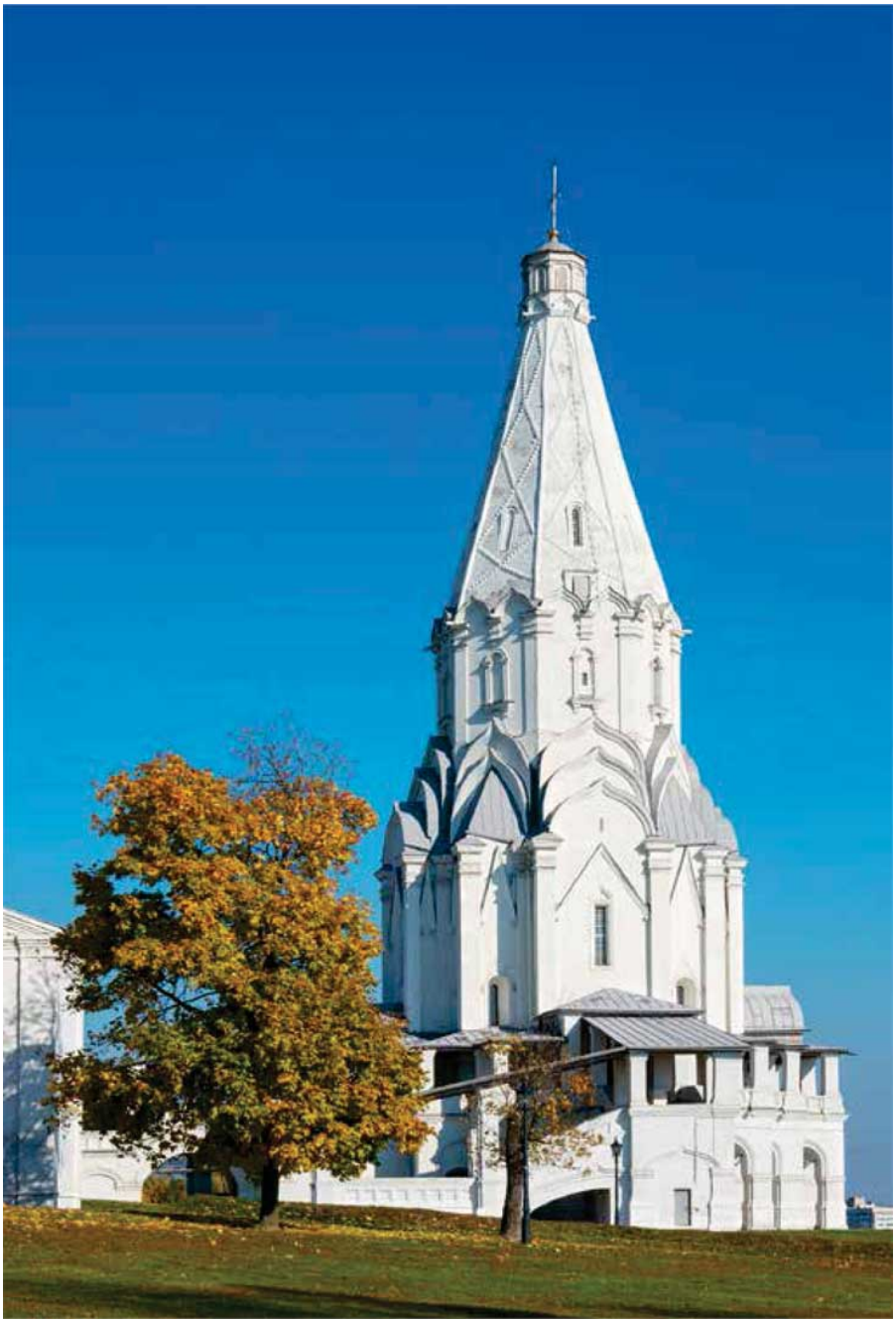
его удельных братьев (Андрея Старицкого, Семёна Калужского; можно вспомнить и основанный ранее Иосифо-Волоколамский монастырь) и служилых князей (Белёвских, Воротынских, Трубецких). При этом они служили не только благочестию их ктиторов и братии, выполняли не только хозяйственную, но и оборонительную функцию. Так, преподобный Герасим Болдинский основал близ смоленского Дорогобужа Троицкий монастырь, а неподалеку – еще три.

При Василии III внутри страны происходили важные перемены. Присоединив новые земли, необходимо было найти способы управления ими. В те времена, когда правитель не располагал регулярной армией, полицией, а бюрократия только зарождалась, эта задача была чрезвычайно актуальной, особенно для такого большого государства, как Русское.

Благовещенский собор Московского Кремля

С одной стороны, сохранялись традиционные порядки управления страной. Как уже неоднократно говорилось, государь не мог просто так покончить с удельной системой: когда Ивану III понадобилось расправиться с братьями, он прибегал к различным предлогам – их «изменам» (намерении отъехать в Литву, неучастии в очередном походе). Вместе с тем при Василии III

продолжилось наступление на уделы, столь ярко проявившееся при его отце. Удельные князья сохраняли свой аппарат управления, определенную самостоятельность во внутренних делах – во всяком случае формальную. Неформально же они подвергались пристальному «присмотру» со стороны государевых людей. Яркое свидетельство этой системы – челобитная Ивана Яганова, написанная уже после смерти Василия III, в годы боярского правления. Из нее выясняется, что Яганов был «приставлен» к князю Юрию Дмитровскому для наблюдения за ним. Государеву слуге вменялось в обязанность сообщать обо всех подозрительных действиях государева брата, при этом он не нес никакой ответственности, если его сообщение не подтверждалось.



Церковь Вознесения в Коломенском

С другой стороны, при Василии III неуклонно набирала обороты централизация государства: от этого времени до нас дошло достаточно большое количество документов, которое позволяет делать определенные умозаключения о том, как управлялась страна. Проблема в том, что любого историка

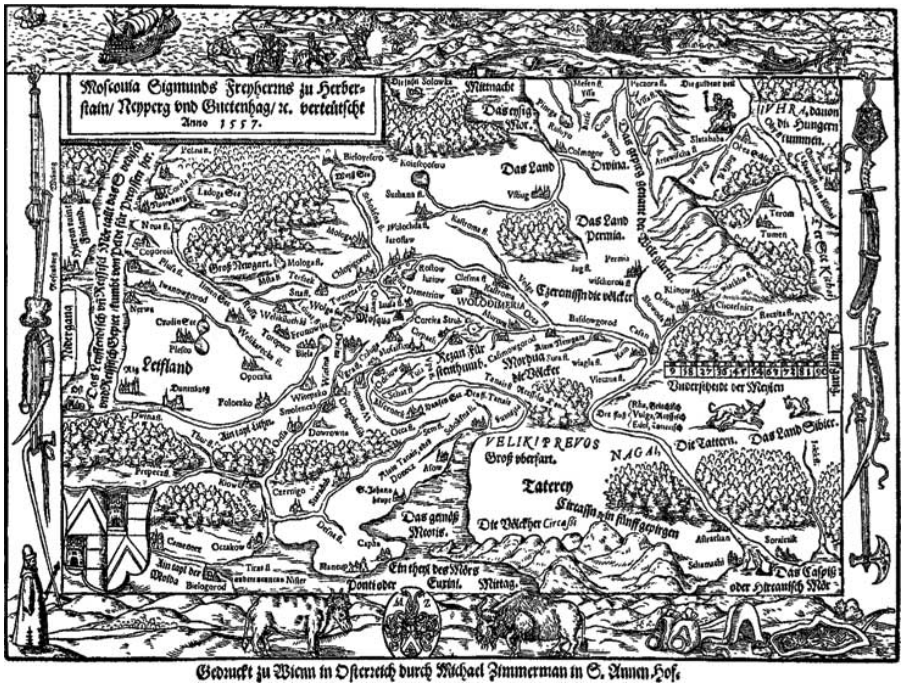
преследует соблазн объяснить некое явление, скрытое во мгле веков и за скупыми строчками документов, при помощи позднейших данных. Такой метод называется ретроспективным. Он очень помогает, в частности, при изучении древнейших эпох, от которых осталось мало письменных источников. Но есть и обратная сторона медали: ретроспективный метод ничего не говорит о том, в какой момент возникло то или иное явление. А это может подтолкнуть историка к удревнению тех или иных реалий.

Примерно так обстоит дело с двумя особенностями управления страной, которые зарождаются при Иване III и Василии III, – Боярской думой и бюрократическим аппаратом. Боярская дума впервые упоминается в источниках именно при Василии III, в 1517 г. Это свидетельствует о том, что данное собрание при великом князе постепенно приобретало черты института, то есть органа с определенной компетенцией, составом и порядком работы. Но в правление Василия III этот процесс находился еще в самом начале. Порядок работы Боярской думы, круг рассматриваемых ею вопросов в это время доподлинно неизвестен. Они скрываются за клишированной формулой «приговорил великий князь з бояры». Численный состав думы определяется в 10–12 человек, однако из этой формулы еще не следует, что в совещании с государем участвовали все бояре. Так, ею описывается решение о судьбе Пскова, принятое в Новгороде в январе 1510 г., когда половина личного состава Боярской думы находилась в Москве. На практике обычно действовали так называемые «боярские комиссии». Недаром Берсень Беклемишев говорил, что Василий III в отличие от его отца принимает решения «сам-третей у постели», то есть в узком кругу особо приближенных лиц. Да и что означали эти совещания? Известно, что для архаичной политической культуры характерен принцип единодушия, «единачества»: к примеру, так принимались решения на вечевых собраниях. Всё это очень далеко от современных демократических процедур – тайного голосования, подсчета голосов. К тому же иногда сама постановка вопроса подсказывала ответ: вспомним совещание Василия III с боярами по поводу развода и повторного брака, о котором говорилось выше. И еще один немаловажный момент. Назначения в Боярскую думу осуществлял государь, что делало ее членов зависимыми от него. Эта ситуация усилилась, когда он стал производить окольничих (более низкий думный чин) в бояре, то есть полноправные члены думы. Это был новый путь карьерного роста. Таким образом, Боярская дума оставалась совещательным органом при государе. Ее значение возрастет лишь после смерти

Василия III, в малолетство Ивана IV. Такой же путь подобные органы власти проходили в соседних странах – Польском королевстве и Великом княжестве Литовском. При этом, как и у соседей, очень влиятельные персоны могли не входить в состав Боярской думы, но при этом превосходить по своему политическому весу ее членов.

Зарайский кремль

Реальное политическое влияние бояр проявлялось в выполнении ими конкретных поручений – осуществлении суда, должности наместника, дипломатической миссии и т. д. Но здесь бояре делили полномочия с дворцовыми чинами, а помогала им зарождавшаяся бюрократия. Первоначальной функцией Дворца, как это видно из названия, было обслуживание великокняжеского хозяйства. Об этом говорит иерархия дворцовых должностей. Первое место в ней занимал конюший, изначально ведавший государевыми конюшнями. Со временем его полномочия заметно расширились (возможно, он ведал дворянским поместным ополчением), а статус повысился: именно с должности конюшего начинал свою карьеру Борис Годунов. При Василии III в связи с распространением огнестрельного оружия возник дворцовый чин оружничего. Сохранялись чины, связанные с обслуживанием государевой охоты (ясельничие, сокольничие, ловчие), пиров (кравчие, стряпчие, стольники, чашники), частной жизни (постельничие). Занять одну из этих ступенек на карьерной лестнице считалось очень почетным. Но всё же за конюшим в дворцовой иерархии следовали не они, а дворецкий, ведавший населением великокняжеского домена (земельных владений) в судебно-административном отношении. Впоследствии он получил название большого дворецкого, поскольку для управления новоприсоединенными территориями, в том числе упраздненными уделами, создавались областные дворцы – Тверской, Рязанский, Дмитровский, Углицкий и другие. Впоследствии, при Иване IV, дворцовая система управления была вытеснена приказной – функциональной. Попытки некоторых историков удревнить ее связаны с многозначностью слова «приказ»: его можно понимать и в современном смысле, как поручение вышестоящего лица нижестоящему, и как орган управления, характерный для середины XVI–XVII в. Но в первой трети XVI в. формула «быть у боярина такого-то в приказе» означала лишь выполнение его поручений.



Карта России по С. Герберштейну. Гравюра XVI в.

Еще одним центральным ведомством была Казна, ведавшая не только финансами, но и отношениями с татарскими ханствами – в связи с тем, что существенной частью этих отношений были различные выплаты и «подарки». Казначею помогал печатник, в ведении которого находился документооборот. В свою очередь, реальное выполнение управленческих функций лежало на плечах дьяков, которым помогали подьячие. Впоследствии, в середине XVI в., они составят основу приказной системы управления. Пока же дьяки делились на великокняжеских (они занимали высшую позицию в иерархии зарождавшейся российской бюрократии), дворцовых и ямских. Разделение функций между дьяками лишь зарождалось: один и тот же человек мог ведать выдачей великокняжеских грамот, выполнять дипломатические поручения и т. д. Однако известны и примеры специализации: так, сношения со странами Запада и Востока обслуживал целый штат толмачей, например, Истома Малой, владевший латынью, специализировался на сношениях с немецкими землями – Тевтонским орденом, городом Ригой и т. д. Первоначально такие «бюрократы» были незнатного происхождения: дьяками становились холопы, дети священников. Поэтому они особенно ощущали справедливость принципа, сформулированного впоследствии Иваном Грозным, но взятого на вооружение уже Василием III: «Мы своих холопей жаловати вольны, а и казнити

есмя волны же». Историки зафиксировали несколько «волн» появления и исчезновения дьяков в источниках: так, в начале правления Василия III перестают упоминаться дьяки, служившие Ивану III; новое поколение дьяков приходит в аппарат управления во втором и третьем десятилетиях XVI в., и их карьеры обрываются в годы боярского правления в малолетство Ивана IV (30–40-е гг. XVI в.). Поэтому дьяки всячески стремились обеспечить своих детей и родственников, пока находились у кормила власти, наделить их поместьем или вотчиной.

Всё это способствовало укреплению власти государя, создавало своеобразную страховку. Примечательно, что уже Василий III нередко использовал царский титул, равный императорскому (царь – цесарь – кесарь – кайзер) и официально принятый его сыном Иваном IV лишь в 1547 г., что, несомненно, свидетельствует об укреплении его власти. Это был шаг вперед по сравнению с Иваном III, который стал систематически титуловаться государем всея Руси (начиная с 1479–1485 гг.). Пока же Иван IV не в состоянии был самостоятельно править страной, эти заботы легли на бюрократический аппарат, в значительной степени сложившийся при Василии III.

Главные даты жизни Василия III

1479 г., 25 марта – У Ивана III Васильевича и Софьи Палеолог родился сын Василий, будущий государь Василий III.

1497 г. – Опала Василия Ивановича.

1499 г., 21 марта – Василий провозглашен государем и великим князем Новгородским и Псковским, соправителем Ивана III.

1502 г., 14 апреля – Василий возведен на великое княжение Владимирское и Московское, официально провозглашен наследником престола.

1503 г., 17 апреля – Смерть матери Василия Софьи Палеолог.

1504 г., до 16 июня – Составлено завещание Ивана III, в котором определены размеры владений и полномочия Василия.

1505 г.

4 сентября – Василий женился на Соломонии Сабуровой.
27 октября – Смерть Ивана III, начало княжения Василия III.

1506 г., апрель – июнь – Поход на Казань.

1507 г., март – Начало войны с Великим княжеством Литовским.

1508 г.

Август – Переход князя М. Л. Глинского на сторону Василия III.
8 октября – «Вечный мир» с Великим княжеством Литовским.

1509 г., 14 февраля – Смерть в тюрьме Дмитрия Внука.

1510 г., 24 января – Въезд Василия III во Псков. Присоединение Пскова к Русскому государству.

1512 г., 14 ноября – Начало войны с Великим княжеством Литовским.

1513 г.

Январь – март – Первая осада Смоленска войсками Василия III.

Май – Смерть брата Василия III князя Фёдора Волоцкого, переход его владений к Василию.

11 сентября – 1 ноября – Вторая осада Смоленска войсками Василия III.

1514 г.

30–31 июля – Капитуляция Смоленска.

8 сентября – Поражение войск Русского государства под Оршей.

1517 г.

Апрель – октябрь – Первый приезд в Москву имперского посла Сигизмунда фон Герберштейна.

Сентябрь – октябрь – Осада Опочки в Псковской земле польско-литовскими войсками.

1518 г., 26 июня – Смерть брата Василия III князя Семёна Калужского, переход его владений к Василию.

1521 г.

14 февраля – Смерть брата Василия III угличского князя Дмитрия Жилки, переход его владений к Василию III.

Июнь – август – Нападение Мухаммед-Гирея на Русское государство, разорение Москвы и осада Рязани.

1522 г., 14 сентября – Перемирие с Великим княжеством Литовским сроком на пять лет, окончание войны 1512–1522 гг.

1523 г., апрель – Арест новгород-северского князя Василия Шемячича, переход его владений к Василию III.

1524 г.

Май – август – Поход на Казань и ее капитуляция.
Май – Начало строительства Новодевичьего монастыря.

1525 г.

Февраль – Начало процесса над Максимом Греком и Берсенем Беклемишевым.
28–30 ноября – «Сыск о неплодстве» Соломонии Сабуровой.

1526 г.

21 января – Свадьба Василия III и Елены Глинской.
Лето – осень – Второй приезд в Москву имперского посла Сигизмунда фон Герберштейна.

1530 г., 25 августа – Рождение у Василия III и Елены Глинской сына Ивана – будущего Ивана IV Грозного.

1531 г. – Суд над Максимом Греком и Вассианом Патрикеевым.

1532 г., 30 октября – Рождение у Василия III и Елены Глинской второго сына – Юрия.

1533 г.

Август – Нападение на Москву крымских войск.
В ночь на 4 декабря – Смерть Василия III.